

«БОЛЬШЕЙ РАДОСТИ ЧЕМ ТВОРЧЕСТВО, Я СЧИТАЮ, НЕ СУЩЕСТВУЕТ»*.

*Лопухин, Ю.М. О науке, творчестве и здоровье /
Ю.М. Лопухин. — М. : Изд-во «Знание», 1991. — с.6.

ИНТЕРВЬЮ ОБ АКАДЕМИКЕ Ю.М. ЛОПУХИНЕ К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Н.В. Полунина¹, Г.В. Порядин¹, О.Д. Мишнев¹, И.В. Силуянова¹, Л.И. Ильенко¹, А.П. Эттингер¹,
А.Г. Румянцев^{1,2}, А.Г. Чучалин¹, А.Н. Моргун¹

Аннотация

Материал содержит интервью с представителями отечественной медицины и медицинского образования, включающие воспоминания об академике Лопухине Юрии Михайловиче, ректоре 2-го Московского государственного медицинского университета в 1965-1984 годах. Интервью приурочены к 100-летию со дня рождения Ю.М. Лопухина. На материале интервью раскрываются черты его личности как педагога, врача, организатора науки и образования.

Ключевые слова

академик Лопухин Юрий Михайлович, история медицины, 2-й МГМИ, 2-й МОЛГМИ им.Н.И. Пирогова, трансплантология, иммунология, гемосорбция.

Для корреспонденции: Моргун Алексей Николаевич, e-mail: an_morgun@mail.ru

¹ Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Пироговский Университет), Москва, Россия

² Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный медицинский исследовательский центр детской гематологии, онкологии и иммунологии имени Дмитрия Рогачева» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Россия

2024 год – год 100-летия со дня рождения Юрия Михайловича Лопухина, академика РАН (РАН), заслуженного деятеля науки РСФСР, лауреата Государственных премий, ректора 2-го МГМИ-МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова в 1965-1984 годах. Мы обратились с просьбой рассказать о Юрии Михайловиче Лопухине к тем, кто учился во 2-м Московском государственном медицинском институте, работал здесь в эти годы. В результате получился обширный материал, который мы здесь приводим. Отметим, что наших респондентов, конечно, могло бы быть и больше. Единственной причиной, не позволившей нам расширить количество наших собеседников, послужил и без того большой объем материала, который получился в результате.

Мы старались сохранить в тексте записи наших бесед их разговорный характер, нарочно не давая

ему литературную редакцию, избегая «закруглений» оборотов речи или перифразы. Сделано это из желания оставить нетронутой эмоциональную ткань беседы для того, чтобы передать живой образ человека, свидетельствуемый нашими собеседниками. По этой же причине мы не пытались вести интервью каким-то определенным спланированным путем, выстраивая вопросами необходимые портретные качества. Общими вводными вопросами были лишь два, которые мы не всегда воспроизводим в тексте, приводя слова наших собеседников. Это вопросы: «Кем были Вы, когда Юрий Михайлович Лопухин был ректором 2-го МГМИ-МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова» и «Были ли у Вас с ним общие проекты, профессиональные и личные контакты, и каковы Ваши впечатления от этих контактов и от личности Ю.М. Лопухина?»

ПОЛУНИНА Наталья Валентиновна, академик РАН, д.м.н., профессор.
Заведующий кафедрой общественного здоровья и здравоохранения им. академика Ю.П. Лисицына Института профилактической медицины им. З.П. Соловьева РНИМУ им. Н.И. Пирогова. В 1963-1969 годах – студентка педиатрического факультета 2-го МГМИ-МОЛГМИ. В 1969-1974 годах – ординатор и аспирант, с 1975 г. – ассистент, в 1984-1997 гг. – доцент, в 1997-2011 – профессор, с 2011 г. – заведующий кафедрой организации здравоохранения 2-го МОЛГМИ-РГМУ (ныне – кафедра общественного здоровья и здравоохранения им. академика Ю.П. Лисицына РНИМУ им. Н.И. Пирогова). В 1976-1992 гг. – заместитель декана подготовительного отделения, в 1986-1995 – заместитель декана педиатрического отделения, в 1995-2010 гг. – декан педиатрического отделения, в 2010-2011 – проректор, в 2011-2012 – ректор РНИМУ им. Н.И. Пирогова.

– Первое мое знакомство с Юрием Михайловичем Лопухиным было в качестве студентки, когда мы учились на четвертом курсе и нам поменяли ректора, до этого ректором института была Мария Гавриловна Сироткина, в 1965 году ректором стал Юрий Михайлович. И если при поступлении нас приветствовала Сироткина, то выпускал нас Юрий Михайлович, причем он беседовал с каждым студентом персонально, каждого выпускника он распределял самостоятельно. Учитывая, что у нас распределение было строго по территориям, мы все куда-то получали направление, он во всем принимал участие – кого куда. Затем я после ординатуры и аспирантуры попала на кафедру социальной гигиены и организации здравоохранения. Поскольку я была в партии, то у меня как у члена партии было партийное задание – меня назначили заместителем декана в деканат подготовительного отделения. Там я отработала около пяти лет в должности замдекана. Это была общественная нагрузка. Я с ним работала недолго, была в контакте, когда была заместителем декана. Во всех вопросах, спорных, сложных, он принимал участие. Это и вопросы приема на подготовительное отделение, и вопросы вы-

пуска, и результаты выпускных экзаменов на подготовительном отделении, а они являлись основанием для поступления в вуз, поэтому от того, как учились слушатели подготовительного отделения, зависело их поступление в вуз. И здесь Юрий Михайлович во всем принимал участие, это всегда было в его юрисдикции, и он никогда это не отдавал кому-то. Когда студенты подготовительного отделения сдавали выпускные экзамены, то все результаты шли Лопухину.

У Лопухина была своя команда. Первым проректором, проректором по учебной работе был в то время Иван Иванович Новиков, заведующий кафедрой анатомии. По науке проректором был Панцырев Юрий Михайлович. Елецкий Юрий Константинович был проректором по учебной работе (рис. 1). Лопухин привлек в ректорат сотрудников своей кафедры топографической анатомии: Владимира Гавриловича Владимирова, который заменил Новикова на должности проректора по учебной работе, а Сторожаков Геннадий Иванович был проректором по приему абитуриентов и потом по дополнительному профессиональному образованию специалистов.

Рис. 1. I Ректорат 2-го МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова.

Сидят: Елецкий Юрий Константинович, проректор по учебной работе; Лопухин Юрий Михайлович, ректор; Брикман Владимир Григорьевич, проректор по общим вопросам; стоят: Панцырев Юрий Михайлович, проректор по науке; Новиков Иван Иванович, первый проректор, проректор по иностранным делам.

А самым лучшим моим деканом, который был, с одной стороны, очень мягким человеком, с другой стороны, знал прекрасно все законы и прочее, был Желтиков Николай Семенович с той же кафедры топографической анатомии и оперативной хирургии.

– Какие можно отметить большие изменения в университете с приходом Юрия Михайловича на должность ректора?

– Я считаю, Юрий Михайлович сыграл очень большую роль в том, что наш вуз звучал как крупная научная школа. Именно в период его ректорства у нас много появилось академиков, членов-корреспондентов, и наш вуз стал известным не только в Москве, но и в стране. Например, мой шеф Юрий Павлович Лисицын стал первым академиком по нашей специальности «Организация здравоохранения». И, поскольку много наших сотрудников вошли в академию – Лисицын Ю.П., Савельев В.С., Лопаткин Н.А., Гусев Е.И., Бадалян Л.О. и другие, он, безусловно, имел вес в академии. Сейчас, к сожалению, уходит это поколение, а взамен очень мало приходит. Ярыгин Владимир Никитич потом тоже в этом направлении работал. Когда он стал академиком, он тоже стал продвигать сотрудников университета. Начиная с Лопухина, 2-й Мед стал звучать в академии чаще, чем другие медицинские вузы.

Лопухин построил новые здания университета¹. Здесь помещался практически весь наш огромный теоретический корпус. Наша кафедра была первой из переехавших сюда. И мой деканат подготовительного отделения тоже был одним из первых. Но, к сожалению, здесь Юрий Михайлович был недолго. Было тогда такое движение в университете – научно-исследовательская работа студентов. Я еще работала, тоже на общественных началах, в деканате педиатрического факультета. Деканом была Мария Федоровна Дещекина, которую Лопухин очень уважал, она при нем стала деканом, долгие годы была деканом. Она была у меня оппонентом на кандидатской диссертации, а когда я стала ассистентом, то Мария Федоровна мне сказала: «Наталья Валентиновна, Вы должны мне помогать». И я ей помогала, тоже на общественных началах. Так вот, в рамках этого движения, научно-исследовательской работы, студенты должны были принимать участие в научной работе кафедр, это была учебно-научная работа. Мы устраивали конкурсы, и в мои обязанности входил контакт с кафедрами, на которых проводилась эта учебно-научная работа.

При Лопухине было открыто вечернее отделение в институте. Оно было отдельное и включало в себя вечернее отделение лечебного факультета и вечернее отделение педиатрического факультета. Эти вечерние отделения называли еще тогда «рабфаки», потому что

¹ Имеется в виду комплекс корпусов РНИМУ им.Н.И.Пирогова по адресу ул.Островитянова, 1 (рис.2).

Рис. 2. I Комплекс корпусов нового кампуса 2-го МОЛГМИ им.Н.И.Пирогова. Строительство с 1968 по 1983 гг. (Современное фото).

туда могли поступить те, у кого был рабочий стаж не менее года или за плечами уже служба в армии. Выпускник школы не мог туда поступить. Был самостоятельный деканат вечернего отделения. А поскольку был самостоятельный деканат, то организовывались кафедры на вечернем отделении. И, в частности, Мария Федоровна Дещкина была первым заведующим кафедрой вечернего отделения. Уже позже была реорганизация и вечерние отделения и кафедры вечернего отделения раздали по факультетам.

Лопухин сам активно занимался наукой. В частности, например, проблемой гемосорбции. Тогда это было новое направление. Никогда никто этим не занимался. Он и его команда разрабатывали эту тему. Они первыми предложили гемосорбцию, издали монографию, студенты активно это изучали.

И при Лопухине была очень большая лояльность студентов к вузу. Выпускники, воспитанники Второго меда, шли в ординатуру сюда же. Это был их родной дом.

– В чем была заметная отличительная особенность Лопухина на посту ректора?

– Что его принципиально отличало (или, может быть, мне так повезло), он активно выдвигал и поддерживал молодых: появились молодые заведующие кафедрами. В частности, мой заведующий кафедрой – Лисицын Юрий Павлович, тоже в то время

молодой человек, а ему около 35 лет было, стал заведующим кафедрой. Это и Таболин Вячеслав Александрович, и Исаков Юрий Федорович. Это все послевоенные и военные люди. Они все дружны были. И Лопухин всех их очень поддерживал.

В связи с тем, что я училась в аспирантуре от Минздрава и по окончании аспирантуры и защиты диссертации должна была отработать определенное время в Минздраве, то там я слышала такое мнение, что Юрий Михайлович – это величина и что ему необязательно ходить и упрашивать. Все вопросы он мог решать на высшем уровне. И то, что он задумывал, он все воплощал в жизнь. Я считаю, что это было следствием его личных качеств. Он был очень уважаемым человеком, и наш вуз имел очень большой вес. И вместе с тем он был очень простым в общении человеком.

– А впечатления от личности Юрия Михайловича Лопухина какие сложились у Вас?

– Юрий Михайлович был очень интеллигентным человеком. И эта интеллигентность всегда проявлялась в общении с людьми. У него никогда не было, как говорится, взгляда сверху на людей. Не важно, кто ты, ты мог быть аспирантом, ассистентом, он был со всеми ровен, хотя уже был ректором, академиком, известным человеком. Я считаю, что это признак интеллигентности – умение с каждым найти общий язык.

ПОРЯДИН Геннадий Васильевич, член-корреспондент РАН, д.м.н., профессор, почетный профессор кафедры патофизиологии и клинической патофизиологии Института биологии и патологии человека РНИМУ им. Н.И. Пирогова. В 1960-1966 гг. – студент лечебного факультета, с 1966 по 1986 г. – аспирант, ассистент, доцент, профессор кафедры патофизиологии. С 1986 г. по 2017 г. – заведующий кафедрой патофизиологии. С 1987 г. по 2012 г. – декан лечебного факультета. В 2012-2015 гг. – проректор по учебной работе РНИМУ им. Н.И. Пирогова

Рис. 3. Профессорско-преподавательский состав 2-го МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова. Выпускное фото вечернего отделения лечебного факультета (фрагмент), 1968 год.

– Юрий Михайлович пришел в наш институт тогда, когда я был еще студентом. А ушел из нашего института, когда я уже стал доцентом и через год возглавил кафедру. Так что все двадцать лет его ректорства были на моих глазах студента, молодого преподавателя и доцента. Я в тот период времени после института занимался активной общественной работой, был заместителем секретаря партийной организации, и поэтому мне приходилось с Юрием Михайловичем постоянно контактировать. Начиная с 72-го года и до 78-го мы очень тесно контактировали. Полтора года я исполнял обязанности секретаря парткома. И поэтому мы с ним часто взаимодействовали по всем вопросам.

Приход Юрия Михайловича в наш институт был знаковый. Не могу сказать, что институт был не на высоте, но с его приходом какой-то новый импульс пошел в институте. Он очень много и очень энергично работал над тем, чтобы создать имидж второго медицинского института. И в плане кадровом – он собирал людей со всего Союза: пригласил в свое время на кафедру Аркадия Павловича Нестерова, офтальмолога, впоследствии академика РАМН. Он пригласил Рэма Викторовича Петрова из Новосибирска, создал кафедру иммунологии. Ряд других знаковых людей он пригласил. Было создано много новых кафедр. Кафедры создавались под серьезных людей.

– Какие яркие особенности были у Юрия Михайловича Лопухина как руководителя?

– Во-первых, меня подкупало в нем его умение подбирать людей. Во-вторых, ставя какие-то задачи, он умел объединить вокруг себя коллектив единомышленников. Например, он собрал академиков, собрал многих заведующих кафедрами, профсоюзников, администраторов и вывез в Конаково. Мы неделю сидели в Конаково безвыездно, и у нас был мозговой штурм или, как бы сейчас назвали это, стратегическая сессия. Решали, какие направления развития определить для института, разрабатывались учебные планы. Терапевты, хирурги наши, академики приехали и были счастливы, что они неделю провели на нашей базе в Конаково. Принцип его был таков – в стратегических вопросах Юрий Михайлович не принимал никогда единоличного решения, но всегда коллегиально. Если была идея у него, он собирал коллектив, и этот коллектив под его руководством предлагал интересные решения. Так было, например, и в отношении медико-биологического факультета, который создавался по его инициативе. Он собрал авторитетных людей не только из нашего института – пригласил из академии и других учреждений, и, опять же, путем такого мозгового штурма они вместе определили, что будет делать, чем будет заниматься медико-биологический факультет, чем он должен быть для института, для страны. Поэтому и взлет был стремительный у медико-биологического факультета. На факультет пришли работать очень интересные люди из академических институтов. Они создали ядро факультета. И я считаю, что в этом основная заслуга Юрия Михайловича.

Это очень ценное качество руководителя – умение собирать вокруг себя коллектив и решать проблемы коллегиально. Все получали большое удовлетворение от того, что их услышали, что они внесли свой вклад, и дальше, когда что-либо реализуется, человек понимал, что и он имеет к этому отношение.

При нем дискуссии были очень интересные между учеными. Например, между Андреем Дмитриевичем Адо, заведующим нашей кафедрой патофизиологии, и патологоанатомом Ипполитом Васильевичем Давыдовским (рис. 3.). Это был особый формат: члены Ученого Совета и все желающие собирались в зале Ученого Совета, и были очень мощные дискуссии. Такие сессии проходили несколько раз в год, и это создавало очень серьезный профессиональный всплеск, это было очень серьезной профессиональной подпиткой для нас, когда такие и многие другие мощные фигуры дискутировали.

Рис. 4. | Юрий Михайлович Лопухин. 1970-е годы.

– Как Ю.М. Лопухину удавалось решать такие глобальные стратегические задачи, как, например, постройка нового кампуса института-университета?

– Он был очень авторитетным человеком в руководящих звеньях. Лопухин пришел из лаборатории мавзолея, и благодаря этому очень многое было им сделано. Это во многом обратило на него внимание. Кроме того, у него были очень хорошие и пробивные помощники, вхожие во многие кабинеты, которые могли и в Правительство пойти. Если где-то что-то тормозилось, то он мог заявить, что они с флагами придут к тем, кто ущемляет науку и институт!

– А что обращало на себя внимание в личном общении с Юрием Михайловичем Лопухиным?

– Во время ректорства Юрия Михайловича я был ассистентом, потом доцентом кафедры, и я мог в любое время прийти, если нужно было решать какие-то вопросы, он был готов всегда встречаться. У Юрия Михайловича не было ни фанаберии какой-то, ничего подобного. Он был готов обсуждать какие-либо вопросы с любым человеком, кто бы к нему ни пришел. Я хочу сказать, что Юрий Михайлович, пройдя все ступени профессионального роста в институте: от ассистента до профессора, зав.кафедрой, ректора

и академика – во всех этих ипостасях он оставался самим собой. Человек глубокий, общительный, контактный, был готов выслушать. Меня, например, поражало, что он – академик – разговаривает со мной совершенно просто. Не было такого, что «он занят» или «у него ограничено время». Я считаю, что институт приобрел в лице Юрия Михайловича очень мощного руководителя, и самое главное – он оставался всегда доступен. Никогда не было в нем избирательности или игнорирования. Есть проблема – он готов был ее решать с кем угодно. Если эта идея была интересная – он готов был выслушать и дальше помочь ее развить. Юрий Михайлович очень много делал для сотрудников.

Юрий Михайлович, кстати, дал мне напутствие на выполнение докторской диссертации. Я стоял на распутье. Мы как-то разговорились, и Юрий Михайлович заинтересовался: «Какие Ваши планы в дальнейшем? Будете ли делать докторскую дис-

сертацию?» Он проявил заинтересованность. Я ответил, что думаю пока, и он сказал: «Так, думать заканчивайте!» – и направил меня к Рему Викторовичу Петрову: «Он Вам поможет с темой». И вот практически мы втроем: я, Рем Викторович и Юрий Михайлович коллегиально определили направление, и в результате я в Институте иммунологии защитил докторскую диссертацию. Такая поддержка была очень важна для меня, и я и был, и остаюсь очень благодарен ему за это.

Юрий Михайлович был человек высокообразованный, прежде всего, очень эрудированный и не боялся свои идеи распространять вокруг себя. Поэтому многие научные достижения у нас в университете были связаны с его посылом. Он занимался многими вещами: атеросклерозом, проблемами иммунологии с Рэмом Викторовичем Петровым, были очень серьезные научные достижения с этим связанными.

МИШНЕВ Олеко Дмитриевич, д.м.н., профессор, почетный профессор РНИМУ имени Н.И. Пирогова, профессор кафедры патологической анатомии и клинической патологической анатомии Института биологии и патологии человека Пироговского Университета. Заслуженный врач РФ. С 1969 г. по 1988 г. – ассистент, доцент, профессор, с 1988 г. по 2023 г. – заведующий кафедрой патологической анатомии РГМУ-РНИМУ имени Н.И. Пирогова. В 1988–2013 гг. – декан факультета послевузовского образования (ординатура, аспирантура). С 2004 г. по 2022 г. – вице-президент Российского общества патологоанатомов. В 2002–2012 гг. – главный внештатный специалист-патологоанатом Минздрава (Минздравсоцразвития) РФ, в 2013–2024 гг. – главный внештатный специалист-патологоанатом Минздрава РФ по ЦФО РФ.

– На Ваш вопрос о совместных проектах могу ответить кратко: таких не было по молодости моих лет. Но мне довелось быть исполнителем небольших фрагментов в больших делах, которыми руководил Юрий Михайлович. Например, он был инициатором проведения широкого спектра исследований в области трансплантологии. Наша кафедра патологической анатомии участвовала в решении большой проблемы трансплантации и консервации органов и тканей, наша задача заключалась в поиске методов микроскопической диагностики жизнеспособности тканей. Результатом стала докторская диссертация доцента Андрея Александровича Чумакова. А для меня открылись возможности дальнейшего научного сотрудничества с кафедрой факультетской хирургии, руководимой Виктором Сергеевичем Савельевым, в изучении проблем ишемии, постишемии, критических состояний в хирургии.

Это как бы опосредованное влияние Юрия Михайловича, но было и прямое. Так, он руководил проектом АМН СССР «Биомедицинская этика». На первых

этапах этим проектом совместно руководили президент АМН СССР Валентин Иванович Покровский и Юрий Михайлович Лопухин. Однако не будет преувеличением утверждение о том, что вся энергия в создании монографии «Биомедицинская этика» шла от него. Были изданы три, на мой взгляд, замечательные книги. Юрий Михайлович поручил написать раздел об этике и деонтологии в патологической анатомии, именно в клинической патологической анатомии, этике клинико-анатомических взаимоотношений специалистов, эвристическом значении вскрытия трупа для медицинской науки. Особо Юрий Михайлович делал акцент на морально-этических нормах отношений к мертвому телу, проведении срочных вскрытий, использовании органов и тканей для трансплантации, а также на проблеме торговли органами и тканями. Было несколько встреч и продолжительных бесед с Юрием Михайловичем, чрезвычайно интересных и столь полезных не только для работы над разделом, но и в будущем. В частности, поднимались вопросы о врачебных ошибках, клинико-анатомических конференциях и выдающейся роли Ипполита

Васильевича Давыдовского, о котором он говорил с большой теплотой.

Самое главное, что оценка Юрия Михайловича моей работы была очень высокой и очень для меня значимой. И здесь нельзя обойтись только констатацией, нужно было говорить и о том времени, в котором мы живем. Это был конец 90-х годов, Вы сами понимаете, какое это было сложное, в определённом смысле, чудовищное время. И поэтому, одно дело – декларировать необходимость духовности, нравственности, милосердия, сострадания к больным, а другое дело – показать на деле, как это должно воплощаться. И Юрий Михайлович посчитал, что Вашему покорному слуге это дело удалось. Когда была готова рукопись моей главы раздела монографии, он мне сказал: «Знаете, я с удовольствием прочитал. Это очень интересно. Правки у меня никакой практически нет». Такое не забывается.

– А какие важные моменты научной деятельности Ю.М. Лопухина Вы могли бы отметить со своей стороны?

– Важный момент для меня как специалиста-патологоанатома – это монография Ю.М. Лопухина «Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина: Правда и мифы». Это совершенно удивительная история, что ему удалось в 1997 году приподнять завесу секретности над малоизвестной стороной биографии В.И. Ленина. В этой книге он решил очень много вопросов, чрезвычайно важных вопросов. Во-первых, с самого начала он достаточно честно говорит о том, что нужно подвергнуть критическому анализу причины смерти Ленина, и делает это обстоятельно и четко. В этой книге он очень скрупулезно разбирает эти вопросы, основываясь на множестве архивных документов. Причем разбирает он так, что это понятно и специалисту, и обывателю. Ю.М. Лопухин работал в лаборатории при Мавзолее В.И. Ленина начиная с 1951 года. Он имел отношение к бальзамированию выдающихся людей не только нашей страны, но и дружественных в то время стран. Во-вторых, он с научной честностью указывает на то, что были определенные нарушения и дефекты при вскрытии тела Ленина. Он предлагает очень логичное, на наш взгляд, объяснение тех морфологических изменений, которые возникли после покушения Фанни Каплан на В.И. Ленина. Атеросклероз изнашивания, как основное заболевание, рассматривается им в комплексе с влиянием внешних факторов – как пуля прошла через ткани шеи, с развитием рубцов и поражением

сонных артерий. В этой книге Юрий Михайлович также подробно освещает вопросы бальзамирования. Этот раздел написан крупнейшим специалистом страны в этой области. Исключительно полезная книга! Рекомендую найти и прочитать! Думаю, было бы очень хорошо, если бы у читателя нашлось бы время для этой книги и особенно для Эпилога-Притчи, ее завершающего. Вы поймете многое о личности Юрия Михайловича Лопухина.

– Как одним словом можно охарактеризовать деятельность Юрия Михайловича Лопухина в университете?

– Юрия Михайловича можно назвать строителем. Он пришел в институт на должность ректора, когда институт был в состоянии некоторого увядания. Это был конец 60-х, начало 70-х годов прошлого века. Он проводил совещания с приглашением представителей кафедр для обсуждения вопросов о том, как поднимать науку в институте. Это были очень интересные обсуждения. Так сложилось, что меня, молодого ассистента, посылали от кафедры на эти обсуждения. И было очень интересно слушать и Юрия Михайловича, и тех людей, которых он тогда сплотил вокруг себя, очень заслуженных людей (рис. 4.). Мы видели, что проблемы были, конечно, очень большие, но они постепенно решались. Самое главное, что за всем этим были поиски возможностей дать материальную основу этим планам. Позднее мы узнали, что это было непросто. Ему, конечно, помогали. Например, ему помог академик Александр Николаевич Бакулев, когда он прямо из кабинета Юрия Михайловича напрямую позвонил Алексею Николаевичу Косыгину, Главе правительства СССР, и сказал, что находится у Лопухина, описал ситуацию с финансированием института и перспективами его развития. Результат был скорым – пришли деньги. Трудно, но решались проблемы приобретения современного оборудования для реализации реформаторских идей Ю.М. Лопухина.

Второе – он тщательно подбирал руководителей кафедр, и это было чрезвычайно непросто. Связано это было с тем, что секретарями парткомов у нас были довольно сильные личности и нужно было найти компромисс в подборе кадров. Он очень серьезно относился к подбору кадров. Думаю, что это очень важное качество для ректора – умение подбирать кадры. Как бы сейчас сказали – он был великий менеджер для 2-го Меда. Жаль, конечно, только, что наш старый корпус института не остался

Рис. 5. В центре – Ю.М.Лопухин, справа – Копыт Николай Яковлевич (кафедра социальной гигиены и организации здравоохранения), слева – Черняк Леон Семенович (кафедра философии). Конец 1970-х годов.

за нами. Но, видимо, так вышло. Это не было специально им сделано. В то время было модным и были первые попытки соединять научно-исследовательские учреждения и образовательные учреждения, вузы. И тогда, поскольку он был прогрессивным человеком и, в определенной степени, реформатором. Вы понимаете, у нас ведь какие реформаторы? Есть реформаторы, которые все ломают, а потом строят, т.е. троцкисты. Такая перманентная революция. А он был настоящий реформатор.

Потом еще, то, что он сделал – это медико-биологический факультет. Весь медико-биологический факультет – это его детище. И академики там были, великие люди там были. Но у него не получилось тогда, чтобы выпускники получали статус врача. Он не смог сломить бюрократов. То есть человек, закончивший медико-биологический факультет, не мог стать врачом-хирургом, врачом-патологоанатомом, врачом-терапевтом. Он – врач-биохимик, врач-биофизик. Это уже при Владимире Никитиче Ярыгине

началось, и получили продолжение идеи Юрия Михайловича – часть студентов МБФ получили возможность учиться по более совершенной программе, имели возможность проходить специализацию и обучаться в ординатуре уже как врачи-лечебники.

Поистине, заслуга на века – это создание нового комплекса ЦНИЛ¹. Опорой Юрия Михайловича в этом был Эммануил Маркович Коган, действительно, выдающийся руководитель! Все то, что в ЦНИЛ делалось – это были уникальные вещи. Там было прекрасное оборудование. Ю.М. Лопухин, конечно, был созидатель! Я не могу назвать его великим, поскольку сегодня это слишком затасканная характеристика. Юрий Михайлович – большая-большая личность! Сейчас ведь как: этот великий, тот великий, этот это создал, тот – другое! Но это обычные, нормальные трудяги! Трудяги-ученые.

Есть люди талантливые, с руками! Есть те, у кого рук нет, но мозг золотой!

Еще один момент он сохранил из своего студенчества: когда Юрий Михайлович был еще студентом, он был секретарем комсомольской организации института. Демобилизованные бойцы приходили с фронта. Несмотря на то, что Юрий Михайлович был тогда молодым, более возрастные фронтовики его очень позитивно восприняли. Это мне Эммануил Маркович рассказывал. Так что организаторские способности у него были, можно сказать, врожденными, генетическими. А второе – это то, что ему очень нравилось работать с людьми. Юрий Михайлович ценил тех людей, у которых он учился и которые вместе с ним работали. И еще, что очень важно, во многом благодаря Юрию Михайловичу мы воспринимали 2-й Мед как свой родной дом.

– В педагогическом плане были новые идеи, изменения в институте?

– У него было много интересных идей. Благодаря ему преподаватели вуза постигали азы иммунологии и других современных достижений медико-биологической науки на специально организованных для них курсах лекций. Аудитории были переполнены на лекциях Рэма Викторовича Петрова. И еще: для нас было необычным его предложение о внедрении преподавания анатомии, гистологии, патологической анатомии на старших курсах во время изучения клинических дисциплин. По логике это было просто замечательное предложение! Он считал, что было бы неплохо, когда студенты занимаются, допустим, болезнями ЛОР, чтобы к ним приходил преподаватель

¹ ЦНИЛ – Центральная научно-исследовательская лаборатория. Организована в 1958 году при 2-м МГМИ. Комплекс ЦНИЛ выстроен в 1971 году на территории нового кампуса 2-го МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова

с нашей кафедры патологической анатомии и рассказывал о том, какие морфологические изменения происходят в ухе, горле и носу при тех заболеваниях, которые они сейчас изучают. Это повысило бы квалификацию будущих специалистов. Но для этого бы пришлось расширить штат преподавателей. Такие вот у него были идеи. По молодости считал, что это было замечательно, да я и даже сейчас готов пойти работать так! Мы даже придумали тогда ряд своих курсов дополнительных. Но видели бы Вы торпидность, инертность у многих специалистов, которые не хотели этого!

– **Какие впечатления от личности Юрия Михайловича более всего запомнились Вам?**

– Наверное, на первое место нужно поставить то, что это был по-настоящему интеллигентный человек.

СИЛУЯНОВА Ирина Васильевна, д.ф.н., профессор, почетный профессор РНИМУ им. Н.И. Пирогова, профессор кафедры биоэтики Института гуманитарных наук. С 2000 г. по 2020 г. – заведующий кафедрой биоэтики РГМУ-РНИМУ им. Н.И. Пирогова.

– Я познакомилась с Юрием Михайловичем, когда работала на кафедре философии (рис. 6). В то время, когда мы стали общаться, Юрий Михайлович уже не был ректором и работал на кафедре топографической анатомии, был членом Ученого Совета и очень влиятельным человеком в университете. Очевидно, что медицинские и гуманитарные науки – области знания самостоятельные, но тем не менее контакты с Юрием Михайловичем были, потому что он, как никто другой, понимал их глубинные связи.

Он часто выезжал за рубеж, в Европу и в США на различные конференции, а этические проблемы медицины там уже в 80-х годах стояли очень остро и были чрезвычайно актуальны. У нас же еще в то время гуманитарное знание было сосредоточено на марксизме-ленинизме и было далеко от этих вопросов. К середине девяностых годов значение этических проблем медицины стало осмысливаться и у нас. И для Юрия Михайловича это было важно.

– **А могло быть это связано с его интересом к трансплантологии?**

– Конечно. Практика трансплантологов сталкивалась напрямую с целым рядом этических проблем.

Сейчас очень часто употребляют это слово, имея в виду определенную степень образованности. Но дело было не в этом. Он был поборником традиций российской интеллигенции, он был ими пропитан: эрудирован, патриотичен, чрезвычайно тактичен и в то же время строг и принципиален, брезглив к фальши. Особенная, своеобразная, манера поведения Юрия Михайловича, на первый взгляд, как бы отдаляла его от окружающих, но стоило ему начать диалог, интересоваться мнением собеседников, возникала атмосфера доброты, доброжелательности, уважения к собеседнику, четкости в ответах на поставленные вопросы (рис. 5.). Умение находить компромисс было одной из самых важных черт его характера.

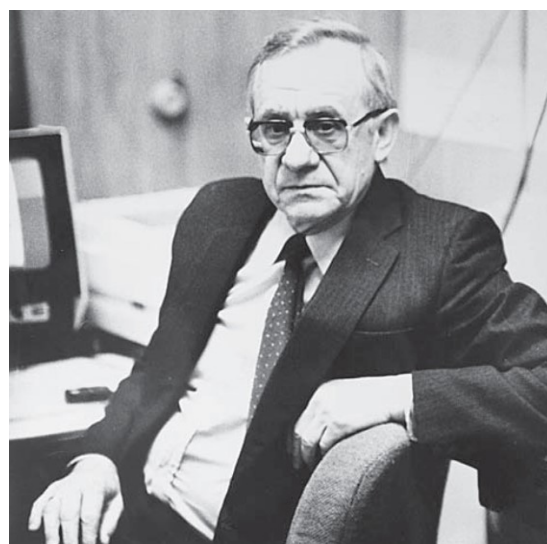

Рис. 6. | Юрий Михайлович Лопухин.

В нашей стране до 1992 года, до выхода первого закона, регламентирующего трансплантацию, господствовал рутинный способ забора органов. То есть умер человек, допустим, в больнице, никто не будет спрашивать, хотел он или нет, чтобы у него забирали органы, хотят или не хотят его родственники, чтобы было вскрытие и произошел забор органов.

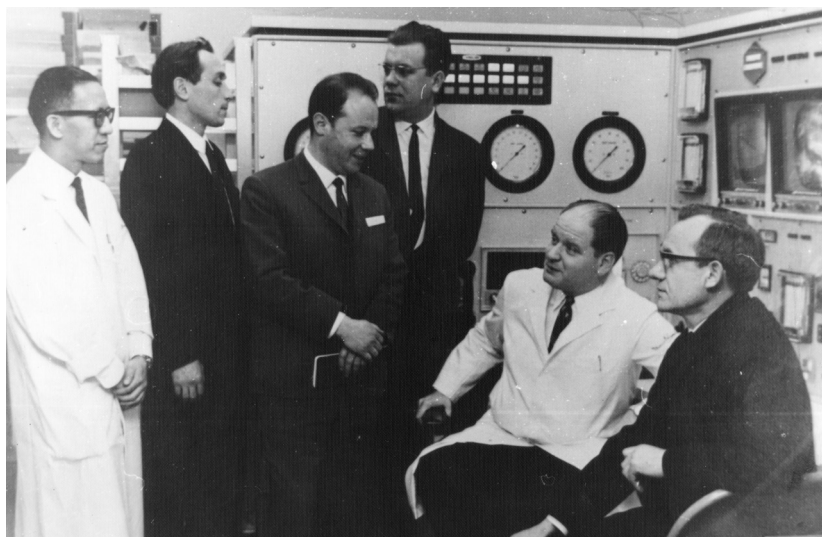

Рис. 7. I На конгрессе в Нью-Йорке. 1965 год.

А в это же время в США и Европе уже существовали законы, которые фиксировали недопустимость вскрытия и забора органов, если человек при жизни не давал свое согласие на это и оно не было юридически зафиксировано. Юрий Михайлович знал о явном диссонансе между практикой, которая была в Советском Союзе и установками, которые уже были на Западе. Врачи там не позволяли себе забора органов без наличия письменного документа о согласии, заверенного пациентом при жизни. Вообще, вся биоэтическая проблематика возникает в 70-х годах XX века в Соединенных Штатах и потом начинает распространяться в Европе (рис. 7.). А в России эти вопросы тогда практически не стояли, и, зная, как это направление развивается и обсуждается в Соединенных Штатах и Европе, Юрий Михайлович начал проявлять интерес к нашей гуманитарной сфере. Ну, и на этой почве у нас и возник контакт, потому что моя специализация была связана как раз с зарубежной философией, с проблемами этики. Я со своей стороны понимала, что гуманитарии должны быть полезны и для врачей, думающих о смыслах своей работы, и для студентов-медиков. Реальная конкретная связь между медициной, медицинским образованием и гуманитарным знанием выявлялась именно в этических проблемах медицинской практики. Именно при их решении и на уровне сознания личности врача, и на социальном уровне гуманитарии могут быть полезны. Не там, где обсуждается, что материя первичнее сознания и классовая борьба приведёт нас к светлому будущему, а именно на стыке этических проблем медицинской практики, отношения врача к пациенту и моральных оснований тех или иных решений и медицинских исследований. И вот так случилось, что наши интересы пересеклись.

– **Инициатива такого сотрудничества была с чьей стороны?**

– Вы знаете, это было взаимное движение. Юрий Михайлович инициировал этическую тематику в медицине на заседаниях Учёного Совета. Ну, и у меня к этому времени публикации уже начали появляться по этим вопросам. Я начала знакомиться с деятельностью Юрия Михайловича, с его работой по изданию серии книг «Биомедицинская этика». Много информации по этой проблеме шло с Запада. В 1997 году был открыт для подписания международный договор, направленный на запрещение неправомерного использования инноваций в биомедицине и защиту человеческого достоинства, «Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины». То есть в мире активно разрабатывалась биоэтическая проблематика. В этом плане эти процессы были известны и Владимиру Никитичу Ярыгину. Владимир Никитич, мне кажется, сам содержательно понимал значение этических проблем, но в Юрии Михайловиче он нашел единомышленника, и уже вместе они начинали работать в этом направлении. И вот тогда стало формироваться наше сотрудничество. И именно они, Юрий Михайлович и Владимир Никитич, поставили вопрос о том, что хорошо бы нам это направление официально и организационно зафиксировать в университете.

Само время помогало нам в этом. Научный коммунизм как отдельная дисциплина уже исчез из учебных программ. У меня уже был опыт чтения спецкурса по этическим основаниям медицинской деятельности на кафедре философии, были изданы учебные пособия и вышли публикации по этому направлению. Было

понятно, что из этого спецкурса может и должно сформироваться нечто большее. То есть для образования кафедры биоэтики была уже почва. И на основании этого, условий того времени и понимания значения этической проблематики в медицине в 2000-м году Ученый Совет университета принимает решение о создании кафедры биоэтики. До этого Юрий Михайлович контактировал с Институтом философии РАН – в Институте философии были специалисты по западной философии, которые профессионально были погружены в направления, касающиеся биоэтической проблематики. У Юрия Михайловича были контакты с Юдиным Борисом Григорьевичем, с Тищенко Павлом Дмитриевичем – известными специалистами по биоэтике. И первая рабочая образовательная Программа по биомедицинской этике – первая в истории медицинского образования в России – у нас на кафедре биоэтики создавалась в тесном контакте с этими специалистами. Юрий Михайлович принимал участие в создании первой Программы по биоэтике как руководитель. Без него мы в полной мере не могли работать, поскольку мы не обладали в полной мере пониманием тех острых медицинских этических проблем, которые необходимо было в фокус внимания поставить. Основанию кафедры предшествовало трехстороннее сотрудничество: Юрий Михайлович как инициатор работы над проблематикой – с одной стороны; специалисты Института философии РАН, уже серьезно погруженные в эту проблематику на примере западных подходов; и мы, включенные в реальную образовательную практику, имеющие практический задел обсуждения биомедикоэтической проблематики в рамках учебного процесса. Мы видели, кстати, как студенты реагируют на эти вопросы, что это им более интересно, чем то, «что первично, что вторично», особенно в материалистическом вульгарном контексте. И вот интересы с трех сторон привели к тому, что кафедра была организована. Напомню, что это была первая кафедра биомедицинской этики в стране. Мы оказались на непаханой целине. Позже Минздрав на фоне идеологического кризиса официально внедряет биоэтику для преподавания во всех медицинских вузах России. Это уже было при участии Володина Николая Николаевича, который был начальником Департамента кадровой политики Минздрава России при министре Шевченко Юрии Леонидовиче. Все находились в рабочем контакте и были близки с Лопухиным. У меня тогда уже вышла книга «Биоэтика в России. Ценности и законы» по материалам моей докторской диссертации, защищенной в МГУ им. М.В. Ломоносова. В этой книге была

систематизирована биоэтическая проблематика, обозначено значение выбора между консервативным подходом к ней и либеральным. Мы включились в работу по обеспечению образовательного процесса. Это и учебники, учебные пособия, программы, рабочие тетради и все, что с ними связано.

– А каковы Ваши впечатления от личности Юрия Михайловича Лопухина?

– Юрий Михайлович казался мне очень сдержанным человеком. Сдержанным и доброжелательным. В нем не было выраженного самомнения, которое бы как-то фиксировало высоту его социального положения. Его доброжелательность была для меня очень важной. Она была основанием для нашего с ним плодотворного общения. Для него был важен уровень моих компетенций, и его доброжелательность в выяснении этого уровня мне очень помогала. Это была очень комфортная среда общения, которая в результате тоже была фактором, способствовавшим соединению различных мнений и способов понимания того, что происходит в медицине, в стране, в образовании и какие задачи перед нами стоят. Все-таки между медиками и гуманитариями существуют различия в менталитете. Иногда медики относятся скептически к гуманитариям, но со стороны Юрия Михайловича я никогда не чувствовала какого-то даже малого скептицизма по отношению к гуманитарному знанию. У него всегда была готовность услышать и принять ответ на те вопросы, которые его волновали, будь то этические проблемы в медицине или какие-либо другие вопросы и события в нашей жизни.

Рис. 8. I На кафедре экспериментальной хирургии

ИЛЬЕНКО Лидия Ивановна, профессор, д.м.н., заведующий кафедрой госпитальной педиатрии №2, директор Института материнства и детства РНИМУ им. Н.И. Пирогова. Заслуженный врач РФ. В 1969-1975 гг. – студентка педиатрического факультета 2-го МОЛГМИ. С 1975 г. – аспирант, ассистент, доцент, профессор кафедры госпитальной педиатрии педиатрического факультета. С 2001 г. – заведующий кафедрой госпитальной педиатрии Московского факультета (с 2011 г. – кафедра госпитальной педиатрии №2 педиатрического факультета). В 1997 - 2013 гг. – декан Московского факультета РГМУ. С 2013 года – декан педиатрического факультета РНИМУ им. Н.И. Пирогова (с 2024 года – Институт материнства и детства).

– С первого года учебы во 2-м МОЛГМИ, с 1969 года, я под руководством председателя студенческого профкома Александра Григорьевича Румянцева стала заниматься состоянием здоровья студентов. В профкоме собрался креативный коллектив, все работали, все старались. У меня на карандаше были все студенты с хроническими заболеваниями, они получали диетическое питание, они ездили в санаторий. У нас была своя студенческая поликлиника на Киевской, туда тоже прикреплялись студенты, в первую очередь, которые болели. Этот вот студенческий профком делал в институте разные добрые дела. И настолько широко он был известен, что просто я не могу вам передать. И мы все, кто работал с Александром Григорьевичем, тоже были рады быть вовлеченными в это дело, в эту общественную деятельность. И естественно, что наш ректор – Юрий Михайлович Лопухин, которого мы тогда видели издали только, знал и поощрял эту нашу деятельность.

Юрий Михайлович был колоритной фигурой. Он был высокий, он всегда хорошо, красиво, по-европейски одевался. У нас, когда он шел по коридору, все просто стояли по стойке смирно. А если у нас находились такие отважные, которые еще и курили, а курить было нельзя, то, увидев Лопухина, они тут же сигарету в карман прятали или в рукав, чтобы, боже упаси, он не заметил с соответствующими последствиями! С нами он встречался. Не только с Александром Григорьевичем, как председателем профкома, а вот с нами – членами профкома, студентами. При этих встречах сразу было видно, что это большой человек! Этот человек для нас был просто небожитель! Но это и человек, который не выстраивает дистанцию колоссальную. Было видно, что он студентов любит, что он знает, чем он руководит, что он руководит громадным институтом, в котором существует вот это племя беспокойное – студенты. И за это его все любили. Именно за это его все любили и им гордились.

Что касается его роли в нашем университете, я хочу сказать, как большой ученый, он окружал себя тоже большими людьми. Или, скажем по-другому, окружающие его люди, общаясь с ним, скоро сами становились большими учеными. Он считал, что наука – это вторая очень важная ипостась нашего института. Первая – это, конечно, студенты, их воспитание, образование (рис. 8).

Он очень много сделал для создания медико-биологического факультета. Мы все считали, что если идет какой-нибудь задумчивый человек, лохматый, такого артистического вида, и ни на кого не смотрит, то он точно с медико-биологического факультета. И он наверняка думу думает, как ему улучшить биохимию, или биофизику, или кибернетику и так далее. Они были, конечно, на особом положении. Он построил это здание¹, которое является исторической ценностью. Мы пешком ходили сюда смотреть, когда строился этот комплекс.

И я должна вам сказать, что когда было институту 60 лет, то нам же не случайно тогда орден Ленина дали (рис. 9). Это целиком и полностью заслуга Юрия Михайловича и тех, кто его окружал. Многие из этих людей прошли войну. А те, кто прошёл войну, это были особые люди. У них была другая философия, другое отношение к жизни, другое отношение к нам. Мы это очень чувствовали всегда и ценили. Василий Иванович Юхтин у нас преподавал, Юрий Федорович Исаков, Эммануил Маркович Коган, Студеникин Митрофан Яковлевич – это наша педиатрическая икона. Я называю тех, кто рядом был с Лопухиным. И он на их мнение ориентировался всегда, в первую очередь, потому что они были патриотами вуза. Эти люди были патриотами своего института.

Юрий Михайлович работал в лаборатории по наблюдению за телом Владимира Ильича Ленина. Поэтому он был очень известен и имел колоссальные возможности. Он мог войти в любой высокий кабинет. И он в эти кабинеты входил для того, чтобы что-то

¹ Имеется в виду комплекс зданий основной кампуса РНИМУ им.Н.И.Пирогова на ул.Островитанова, 1

Рис. 9. I Вручение ордена В.И. Ленина 2-му ММИ в Кремлевском дворце съездов, январь 1967 года

сделать для института. Он мог много делать за счет того, что он был очень известен? Это ему помогало? Конечно, помогало. Его везде и всюду принимали. Но он ходил туда для того, чтобы в институте появилось что-то, появилось это, появилось то. Понимаете? То есть он ходил не по своим личным вопросам, а по вопросам и проблемам института.

Он очень любил студентов. Два случая только расскажу. Он всегда всех провожал в стройотряды. В числе птенцов Лопухина был Короткий Николай Гаврилович, который был у всех студенческих отрядов комиссаром. И когда студенты уезжали, то все собирались в главной аудитории, ждали Юрия Михайловича, чтобы он сказал напутственные слова. Он мог быть занят в это время с важными людьми, или в приемной его могли ждать известные, важные люди, но Юрий Михайлович всегда откладывал эти встречи и говорил: «Я сейчас пойду к студентам, потом вернусь». И эти важные люди сидели и ждали. Мы ему перед выступлением на пиджак лауреатские значки наденем, а он спрашивает: «А что говорить-то?». Я говорю: «Юрий Михайлович, Вы можете говорить всё, что угодно, но закончить вы должны одной фразой: – И если Короткий выгонит из стройотряда, то Лопухин выгонит из института!» «Прямо так и сказать?» – спрашивает. Я говорю: «Конечно! Все сразу ясно и понятно будет всем. Залог дисциплины!» «Ну, ладно», – говорит. И вот мы с ним идем в аудиторию, я сажусь напротив. Он говорит, рассказывает, и чувствую, что закругляется, а нужную фразу еще не сказал. И я сигналю ему, а он увидел и говорит: «Да! Если Короткий выгонит из стройотряда, то Лопухин выгонит из института!» И все начали аплодировать. Все, конечно, все понимали, потому что любили Юрия Михайловича.

Второй пример: когда было государственное распределение после выпуска из института, то распределение проходило в кабинете Юрия Михайловича. Вот у него такой большой длинный стол сидят члены комиссии. А члены комиссии – это представители Минздрава Москвы, Минздрава Московской, области, других городов и областей всего СССР. Выпускник заходит, ему предлагают одно, второе, третье, всех распределяют. И Юрий Михайлович для этих мероприятий организовал пресс-группу. Там было несколько человек. Я, например, сочиняла какие-то стихи, и был у нас такой Валентин с медико-биологического факультета, который был шаржист. Вот он смотрит на человека и тут же рисует шарж. Вы знаете, ну это было прямо схвачено очень точно. И во всяком случае все, на кого он рисовал шарж, хотели это с собой забрать. И вот входят по одному выпускники, с каждым разговаривают. Это не так долго по времени было, но мы уже на него делали шарж и писали какие-то стихи. Проходило несколько человек, комиссия делала перерыв, все распределенные заходили, и мы им читали это все и вручали. Все слушали, смотрели и страшно хохотали. И это было каждый день, сколько бы дней ни шло распределение. И это всем очень нравилось. Многие стихи, которые особенно нравились Юрию Михайловичу, я ему на стол складывала. То есть он инициировал такие вот отношения. Его беспокоил вопрос, что мы можем сделать для тех, кого мы отпускаем. То есть это было не просто протокольное мероприятие. Это государственная комиссия. Каждый подписывал распределение свое. Вы понимаете, Юрий Михайлович был мог всего этого не делать. Достаточно было того, что он вставал из-за стола, поздравлял и жал руку.

Достаточно этого было. Но вот это всё, что там происходило, мне кажется, во-первых, смягчало горечь от того, что они уезжают. Кто-то остаётся, а кто-то уезжает. Кто на Камчатку ехал, кто – туда, кто – сюда. Тут же была Журавлева Татьяна Васильевна, декан ординатуры и аспирантуры. Она спрашивала выпускников об их намерении учиться в ординатуре, записывала желающих вернуться в ординатуру сюда, что, между прочим, давало основание многим сказать: «У меня во 2-м Меде все схвачено!» Во-вторых, стихи были от сердца и от души адресованы конкретному живому человеку. Конечно, это не поэма была. Это – экспромт. Вот это, мне кажется, характеризует Юрия Михайловича как человека, который любил студентов – он хотел что-то сказать и пожелать индивидуально каждому.

– А в отношении «второй важной ипостаси» института что можно сказать? Ведь не просто Вы упомянули об этом.

– Юрий Михайлович был заведующим кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии, но он еще занимался всерьез важными другими вопросами, касающимися не только кафедральной специфики. Он занимался атеросклерозом, гемоорбцией. Он занимался проблемой пересадки почки. Занимался также синдромом Луи-Бар. У нас был такой академик Василий Васильевич Куприянов, его ученики: Куликов Владислав Васильевич, Козлов Валентин Иванович и Банин Виктор Васильевич – занимались проблемой микроциркуляции крови, но занимались как морфологи. Юрий Михайлович собрал неврологов с кафедры Левона Оганезовича Бадаляна, другого нашего академика, и они совместно с морфологами стали заниматься синдромом Луи-Бар. То есть Юрий Михайлович объединил морфологов, неврологов, генетиков, педиатров. Вот была такая коллективная работа. Много публикаций было по этой проблеме. Был выпущен сборник научных работ, посвященный микроциркуляции и диагностике болезни Луи-Бар. И благодаря этому появилась возможность по микроциркуляции, по количественному показателю диаметра капилляра считать и определять результат от проводимой терапии. И вот прошло очень много времени, и сейчас, когда появилось новое оборудование, исследователи вернулись к изучению микроциркуляции как диагностическому методу: с академиком Беленковым Юрием Никитичем из 1-ого Московского медицинского университета сотрудничает наш академик Чучалин Александр Григорьевич.

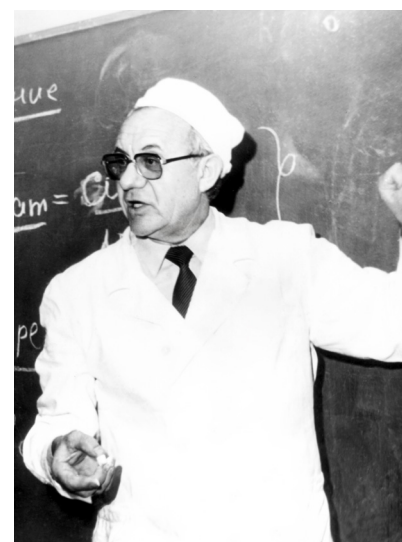

Рис. 10. Лекция на кафедре топографической анатомии и оперативной хирургии. 1970-е годы.

Они используют газы в медицинских целях и смотрят результат не только по клинике, но еще и по микроциркуляции. Профессор Инна Григорьевна Михеева с нашей кафедры пропедевтики детских болезней тоже продолжает заниматься особенностями микроциркуляции как предиктора у детей с инсультами: можем ли мы заранее увидеть, кто склонен? Можем ли мы провести персонализированную профилактику? Она замечательный ученый, и мы ждем, когда они на кафедре закончат эту свою работу. У нас, в институте материнства и детства, мы над этим тоже работаем. В частности, микроциркуляцию можно применить у беременных. Сейчас будем закупать аппаратуру, которая эту микроциркуляцию определяет. То есть сколько уже лет прошло от первых исследований группы Лопухина, и сейчас возвращаются к этому методу. Юрий Михайлович был теоретик, морфолог, но он смог объединить специалистов для решения большой научной задачи.

Редко ученые бывают так заинтересованы в проникновении в самые горячие точки клинических дисциплин. У Юрия Михайловича был гигантский мозг! Он мог тебя слушать, и было ощущение, что он с тобой и не с тобой. Мог говорить: «Да, продолжай, продолжай!» Вдруг, раз! Что-то запишет. Положит. «Так. Продолжай!» Было четкое впечатление, что он решает несколько задач и они его не отпускают. В то же время он был и во внимании к тебе (рис. 10.).

Учитель – это тот, на которого ты хочешь быть похожим. Я всегда равнялась на Юрия Михайловича. Он говорил: «Я не могу сказать то, что ты хочешь от меня услышать. Я могу сказать то, что я хочу и должен сказать...» Когда ушел из жизни Юрий Михайлович, у меня было чувство утраты очень близкого и родного человека.

ЭТТИНГЕР Александр Павлович, профессор, д.м.н., заведующий кафедрой организации биомедицинских исследований медико-биологического факультета РНИМУ им. Н.И. Пирогова. В 1965-1971 гг. – студент лечебного факультета 2-го МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова, в 1971-1972 гг. – студент интернатуры кафедры госпитальной хирургии ЛФ. В 1971-1987 гг. – заведующий лабораторией хирургической гастроэнтерологии, экспериментальной хирургии ЦНИЛ 2-го МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова. В 1987-1991 гг. – помощник проректора по научной работе 2-го МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова. В 1991 – 2013 гг. – директор ЦНИЛ. В 1989-2014 гг. – содиректор Совместного института хирургических исследований Россия-Германия. С 2008 г. – Президент Всероссийского научного общества герниологов.

– Говорить о личности Юрия Михайловича Лопухина для меня особенно приятно. Приятно потому, что моя жизненная судьба в университете сложилась таким образом, каким сложилась, во многом благодаря Юрию Михайловичу. Я связан с университетом с 1964 года, когда впервые пытался поступить в тогда еще 2-й медицинский институт и не поступил. В 1965 году я наконец поступил в институт, и поступил я благодаря счастливому стечению обстоятельств, поскольку в этом же году пришел к руководству институтом Юрий Михайлович Лопухин. Я поступал тяжело, поскольку моя фамилия ассоциировалась с фамилией Якова Гиляриевича Эттингера, который заведовал кафедрой факультетской терапии педиатрического факультета и был первой жертвой «дела врачей» в 1952 году. И, как я потом узнал, когда «дело врачей» разворачивалось, для института было бы не очень правильным наличие родственников нежелательных людей, и мне, как и моему отцу в свое время, нужно было показать, что я не родственник Якова Эттингера. Я тогда, первый раз срезавшись в 1964 году, получив тройку по физике, получил ее вновь на вступительных экзаменах в 1965 году. Я хотел учиться во 2-м медицинском институте, поскольку его в 1941 году (памятный выпуск тех, кто ушел на фронт) закончил мой старший брат Игорь Павлович Эттингер. И вот я пошел на прием к Павлу Васильевичу Сергееву, в то время ответственному секретарю приемной комиссии, и Павел Васильевич очень удивился, что я с такой фамилией и с такой внешностью, какая у меня тогда была, явился к нему. Далее события развивались так, что ответственность на себя взял Юрий Михайлович Лопухин и в результате я был зачислен кандидатом и дальше перешел в студенты.

Отметим, что в 1960-е годы 2-й Медицинский – это был институт, который развивался и поднимался в эпоху больших перемен. В отношении к нашей про-

фессии, к медицине, происходила большая ломка. Еще много было людей в профессии, которые придерживались большой осторожности по отношению к усовершенствованиям, но не меньше было и новаторов. Сегодняшние студенты практически не знают, что в августе 1948 года прошла известная сессия ВАСХНИЛ, с которой начались гонения на генетику. У нас, например, на первом курсе преподавалась биология на основании учебника¹ В.В. Маховко², где про генетику высказывалось все в совершенно отрицательном плане. А дальше заведующим кафедрой биологии стал Доброхотов Всеволод Николаевич, который в связи со своими взглядами на генетику был долгое время всего лишь старшим лаборантом на кафедре. И с него возобновилось изучение генетики, когда мы были уже на старших курсах, но еще в довольно осторожных выражениях. С приходом на кафедру Романова Юрия Александровича генетика стала у нас развиваться более активно.

Мы, поступившие в 1965 году и позже, были связаны с Юрием Михайловичем Лопухиным очень плотно, потому что практически все поступали со всех сторон и уголков Советского Союза именно благодаря решению, проведенному и принятому Юрием Михайловичем. До 1965 года во 2-й Московский медицинский институт принимали только с территории РСФСР, причем в основном – из центральных районов. А благодаря Лопухину во 2-й Медицинский институт поехали люди и из союзных республик. Все, кто нуждался, получали общежитие – это было очень важно, и это определило очень интересный контингент студентов. Это были люди, прошедшие армию, работавшие, было много возрастных людей. В частности, я учился с интереснейшим человеком, который был принят в институт при личном участии Юрия Михайловича после того, как сказал, что если его не примут в институт, то он возьмет его штурмом.

¹ Маховко, В. В. Общая биология / В. В. Маховко, П. В. Макаров, К. Ю. Кострюкова. – М.: Медгиз, 1950. – 504 с.

² Маховко Вера Владимировна – профессор, заведующий кафедрой биологии 2-го ММИ с 1948 по 1962 гг.

Этого человека звали Тасос Лолас Янис. Это была удивительная фигура – он был человеком без гражданства, был активным участником греческого антифашистского сопротивления во время Второй мировой войны, был в числе тех, кто во время оккупации водрузил на Акрополе доаккупационный флаг Греции, принимал участие в ликвидации немецких патрулей. В период режима «черных полковников» он вынужден был бежать из Греции и оказался в Ташкенте. И он, благодаря Юрию Михайловичу, был принят и закончил наш институт.

Нужно сказать, что с Юрием Михайловичем было связано очень много моментов, которые касались его работы на благо университета и которые мы только потом оценили в полной мере. Наиболее важным, на мой взгляд, делом было то, что он развивал и поддерживал науку. В институте было главенство абсолютно научного взгляда на вещи. Здесь работали, как мы бы сейчас сказали, небожители. Участь в институте, вы могли встретиться на лекции и просто в жизни с людьми, которые были цветом и гордостью нашей отечественной медицинской науки. Это были очень известные и узнаваемые люди, почти все они были академиками. Это и Александр Николаевич Бакулев, и Ипполит Васильевич Давыдовский, который организовывал совершенно уникальные научные дискуссии, это и Аркадий Павлович Нестеров, и Николай Кириллович Боголепов, и Василий Васильевич Куприянов и многие-многие другие. И тогда же, при Юрии Михайловиче Лопухине, расцвели люди молодые и инициативные: Левон Оганезович Бадалян – совсем молодой тогда человек, который развернул исследования в области генетических заболеваний, Юрий Федорович Исаков и многие другие. Почти все из них прошли войну, которая наложила большой отпечаток и на мировоззрение, и на поведение этих людей. К 1965 году прошло всего-навсего двадцать лет с окончания войны, а многие заканчивали войну в 20-25-летнем возрасте. В 60-е годы это были молодые и полные сил врачи. И они практически определяли повестку дня и атмосферу в институте. Рассусоливания сегодняшнего времени относительно того, что, мол, это надо учесть, то надо учесть, тогда не было. Тогда были совершенно отчетливые взгляды буквально у всех, даже у людей с вольнодумным складом характера. У фронтовиков все было определено – с одной стороны есть наши, с другой стороны – фашисты.

В отношении учебы было то же самое: или ты учишься или ты не учишься. Каких-то нюансов о том, что надо понимать глубинный мир студента

и подходить с каких-то нежных позиций, не было. Всем было понятно, что нужно было учиться. Всем было понятно, что нужно сдавать экзамены.

При Лопухине, как я уже сказал, расширился контингент студентов, прежде всего, за счет союзных республик. Но было и много иностранцев. Причем иностранцы были очень непростого происхождения. К примеру, у нас училась племянница последнего короля Абиссинии. При ней был и учился в институте ее телохранитель. Со мной на курсе учился студент из Мали, который потом стал министром здравоохранения Мали. Были люди из очень экзотических стран: с Мадагаскара, например, был студент. Большое количество было студентов с Маврикия, из других экзотических стран. Встретившись с ними позднее у них на родине, я был приятно удивлен их профессиональным положением и той их атмосферой служения своему народу и долгу, чувством причастности к студентам из СССР.

**– А в отношении «второй важной ипостаси» института что можно сказать?
Ведь не просто Вы упомянули об этом.**

– Конечно, он способствовал увеличению количества иностранных студентов вузе. В частности, это нужно было для поднятия престижа института. Это создавало имидж институту. Никаких денег там не было. Обучение иностранцев для них было бесплатным. Платило либо их государство, либо даже наше, поскольку наше государство было заинтересовано в том, чтобы как можно больше людей из других государств прошло через обучение у нас, потому что это формировало лояльность к нам. Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы, созданный для этих целей, был тогда в самом начале своего становления. То есть международная деятельность института при Юрии Михайловиче претерпела значительные положительные изменения.

Сильное развитие при Лопухине в институте получил спорт. Я сам всю свою жизнь не представлял без спорта, не мыслил свою профессиональную деятельность без спорта, думал, что буду спортивным врачом. То есть для меня этот вопрос был очень важен. В институте времен ректорства Лопухина, например, был очень мощным волейбол, поскольку Лопухин привлек Александра Александровича Степанова, заслуженного мастера спорта, известного волейболиста, который закончил в 1941 году 2-й Московский государственный медицинский институт имени И.В. Сталина и который впоследствии возглавил кафедру физвоспитания института, на которой

и я некоторое время работал ассистентом, еще когда учился.

Юрий Михайлович очень много делал для того, чтобы поддерживать спорт, в том числе за счет того, что к нам на лечфак поступили человек 20-25 из числа тех, кто закончил институт физкультуры. Это было их второе образование. Много было мастеров спорта. На кафедре травматологии и ортопедии одно время работало, включая нас, ординаторов, восемь мастеров спорта. Институт гремел в этом отношении. У нас был и есть двукратный чемпион СССР по боксу, участник Олимпиады в Мексике 1968 года Плотников Валерий Павлович, который с 1974 года и по сей день работает на кафедре реабилитации, спортивной медицины и физической культуры. После Степанова кафедрой физвоспитания заведовал Чоговадзе Афанасий Варламович, которого тоже привлек Юрий Михайлович Лопухин. На кафедре Юрия Михайловича Лопухина – кафедре топографической анатомии и оперативной хирургии – работал и действительно сам делал диссертацию легендарный человек, заслуженный мастер спорта, многократный чемпион страны и первый в мировой истории спорта пятикратный чемпион мира по вольной борьбе Али Алиев. В общем, к спорту Лопухин относился очень внимательно. Правда, и спорт в то время не был профессиональным.

– А что можно назвать главным делом Юрия Михайловича Лопухина в университете?

– Его главным делом была организация нового кампуса в Тропарево. Мы сюда приезжали в 1968 году закладывать первый камень в строительство нового здания института. Здесь было самое что ни на есть село Тропарево, и из того, что осталось с тех пор – это, пожалуй, только церковь на теперешнем проспекте Вернадского. Кроме этого, ничего от тех времен не осталось, очень изменился ландшафт, но и сожалеть там было не о чем. Первым был сдан спортивный комплекс и Центр научно-исследовательских лабораторий. Они были введены в эксплуатацию в 1975 году. Основной корпус был введен позже, он некоторое время стоял без движения, видимо, не было финансирования. Там были очень интересные вещи: одна часть уже начала работать – были готовы кабинеты, а другая часть – отрываешь двери, и обрывается вниз пропасть. Вообще, территория университетского кампуса должна была захватывать огромную площадь, планировалось в том числе строить огромную трехтысячечую клинику. К сожалению, разные обстоятельства не дали этим планам реализоваться полностью. Но замысел поражаел масштабом.

– Что можно сказать о роли Лопухина Юрия Михайловича в науке, развивавшейся в стенах тогдашнего 2-го медицинского института?

– Я волей случая остался работать в институте, это было сделать очень и очень непросто. Тогда я и не думал быть хирургом, стал хирургом случайно, благодаря тому, что меня как-то заметили, заметили мое увлечение клинической работой на кафедре Валентина Сергеевича Маята. И вот, поскольку Юрий Михайлович Панцырев, мой шеф по кандидатской диссертации, был тогда проректором по научной работе, он сумел меня тогда оставить на кафедре. Одна из моих разработок была основана на ранней собственной работе Юрия Михайловича, которая была частью его кандидатской диссертации. Она состояла в открытии им особенностей артериального кровоснабжения структур и слоев стенки тонкой кишки. Работа дала фундаментальную основу для разработки способа интраоперационной диагностики жизнеспособности кишки при ущемлениях и тромбозе. Так, данные, полученные Юрием Михайловичем в то время, когда он был в начале своего научного пути, то есть его собственные – от замысла до воплощения, нашли применение в практике через десятилетия. Как, впрочем, случается со многими фундаментальными открытиями, независимо от их масштаба. Так что Юрий Михайлович несомненно был ученым, конкретным самостоятельным открывателем фактов, что очень важно и ценно, поскольку позволяет выделить его персональный научный вклад, а это не всегда возможно у руководителей его масштаба и уровня.

Позже я работал в ЦНИЛе. Эммануил Маркович Коган – директор ЦНИЛа, привлекал меня к различным организационным мероприятиям. Следует сказать, что ЦНИЛ в 1970-е-1980-е годы посетили все руководители нашего советского государства, за исключением Алексея Николаевича Косыгина и Леонида Ильича Брежнева. Остальные были все. ЦНИЛ начиная с 1975 года и до начала перестройки был самым мощным медицинским исследовательским центром во всей Европе. Юрий Михайлович был инициатором многих проектов, которые разворачивались в ЦНИЛе, и ЦНИЛ стал колыбелью новых наук в нашей стране. Очень яркий пример тому – иммунология. Иммунология разворачивалась на базе ЦНИЛа главным образом под научным руководством Рэма Викторовича Петрова (рис. 11).

Рис. 11. | Юрий Михайлович Лопухин и Рэм Викторович Петров.

Работали выдающиеся люди, настоящие энтузиасты: Чередеев Анатолий Николаевич – очень интересный человек, заведующий отделом иммунологии ЦНИЛа, Головистиков Иван Николаевич. Практически вся иммунология в стране начиналась в ЦНИЛе тех лет. Много иностранцев из соцлагеря работали здесь. Штефан Мюллер из ГДР, например. Очень много было защищено диссертаций на базе ЦНИЛа. Потом эти специалисты работали и в институте морфологии, и в 3-м Главном управлении Минздрава, которое образовалось как медицинская часть исследований в атомной сфере, главным образом касающихся вопросов обеспечения безопасности. Лопухин стал широко развивать науку на базе ЦНИЛа. Арион Виталий Яковлевич работал по тимусу и по различным нарушениям, связанным с этим. Вопросы трансплантологии исследовались здесь. В частности – пересадки почки. Юрий Михайлович Лопухин обеспечивал различные аспекты трансплантологии как анатом и морфолог. Он был очень хороший анатом. Но меня, пожалуй, больше всего впечатлило то, как им было осуществлено буквально в течение нескольких месяцев руководство научным проектом: огромное количество специалистов, практически весь университет работал над одним научным проектом –

проблемой холестерина. Его ближайшими помощниками в этом были Александр Иванович Арчаков и Юрий Андреевич Владимиров. ЦНИЛ весь принимал участие в этом проекте.

По результатам этой масштабной работы в 1983 году была написана и издана монография «Холестериноз. Холестерин мембран. Теоретические и клинические аспекты» под редакцией и авторством Лопухина Юрия Михайловича, Арчакова Александра Ивановича, Владимирова Юрия Андреевича и Когана Эммануила Марковича. В этой монографии было опубликовано несколько прорывных разработок и открытий, в частности, касающихся атеросклероза. Меня особенно впечатляет этот проект, потому что, познакомившись с западноевропейской медицинской наукой, поработав там, я увидел, что сделать что-то подобное, кроме как в тех условиях, которые были тогда у нас, было бы просто невозможно. Наладить взаимодействие между сотрудниками даже одной кафедры, например, в Германии – это весьма большая проблема, поскольку индивидуализм и конкуренция, идущие там нога в ногу – основная движущая сила. У нас основная движущая сила и своего рода отечественное секретное оружие – это коллективное решение вопросов.

Взаимодействие специалистов – это очень сложный момент, как я сейчас понимаю. В то время это было данностью: был ректор, у него были подчиненные, у него были помощники. Можно было все отнести на счет большого административного ресурса Ю.М. Лопухина. Но как ему, тогда еще совсем молодому человеку, который академиком то стал уже после пяти или шести лет работы в должности ректора, удавалось выстроить это взаимодействие? Наверняка у него были не только комплементарные отношения с «китами», которые сами могли очень быстро мобилизовать любой административный ресурс. Примером может быть взаимодействие Юрия Михайловича с Борисом Васильевичем Петровским, который был, пожалуй, одним из самых ярких и самых продуктивных министров здравоохранения Советского Союза. Будучи хирургом, характер Борис Васильевич имел соответствующий, и то, что Юрий Михайлович пользовался в глазах такого человека уважением и несомненным авторитетом, дорогого стоит и говорит о многом. В хирургическом мире, как и в любой конкретной деятельности, «дуть» авторитетов практически нет, слишком велика цена ошибки. Здесь же будет уместно отметить одну особенность профессии: можно уйти от официальной ответственности и, наоборот, попасть под наказание несправедливое. Но правда рано или поздно становится очевидной. О Юрии Михайловиче Лопухине отрицательных отзывов коллег не было.

– А как, все-таки, ему удавалось взаимодействовать и управляться с «китами», такими как Петровский Борис Васильевич, например.

– Здесь, я думаю, сыграл ключевую роль талант Юрия Михайловича убеждать людей. Не принуждать, а именно убеждать. Люди в то время были гораздо более дисциплинированы, и субординация была выражена в гораздо большей степени. Во многом это было военное наследие.

Юрий Михайлович пришел на кафедру, которую возглавлял очень яркий и интересный человек – Георгий Ефимович Островерхов, который был одним из ведущих хирургов на Балтийском флоте. Островерхов был очень волевым человеком. Он обладал командирским характером и голосом, трудно было представить, чтобы ему мог бы кто-то возражать в дисциплинарном плане. У него на кафедре работало много практических хирургов, и его руководство по предмету было одним из лучших по оперативной хирургии в стране. Кафедра, когда на нее пришел работать Лопухин, была в своем расцвете. И потом, когда Юрий Михайлович возглавил эту кафедру, он еще приумножил и развил это дело.

Здесь были очень интересные работы по сорбционному очищению крови. Все эти работы в нашей стране были на острие научного и научно-практического интереса. Они дали основу для развития экстракорпоральных методов детоксикации организма, которые используются и развиваются по сей день.

– Каковы Ваши наиболее яркие впечатления о личности Юрия Михайловича Лопухина?

– Юрий Михайлович не боялся того, что кто-то нанесет урон его авторитету. Это было совершенно отчетливо видно. Он не боялся различного рода высказываний в отношении себя на любом уровне, не боялся различного рода поворотов идеологии ни во внутренней университетской жизни, ни во внешней. В частности, подтверждением этому является активная поддержка Юрием Михайловичем медико-биологического факультета. Своим становлением медико-биологический факультет обязан Юрию Михайловичу Лопухину. Первая профессура на медико-биологическом факультете, по моему мнению, это люди, которые не нашли своего места в МГУ. В МГУ у них мощной дальнейшей перспективы не было, и они перешли сюда и очень-очень много сделали и развили те направления, которые начинались тогда и сейчас продолжают развиваться: это и уже упомянутая иммунология, это и биофизика, и биохимия особенно. Благодаря нашему медико-биологическому факультету они имели мощное звучание не только в нашем вузе, но и по всему Советскому Союзу.

Еще нужно сказать, что Юрий Михайлович Лопухин был человеком, который никогда не гнушался тем, чтобы вникать в проблемы отдельных сотрудников. К нему ходили на прием, и никогда он не был отгорожен «хрустальной стеной». Хочу отметить, что среди людей моего поколения, которые вместе со мной учились, вместе со мной работали, нет ни одного человека, который бы что-то сказал о Лопухине в некомплементарном плане.

С Юрием Михайловичем я был лично знаком. После того, как он ушел с поста ректора, мы с ним контактировали уже по экспериментальной хирургии, и у меня остались о нем очень теплые воспоминания. Один момент стоит отметить особо – это его семья. Дело в том, что я оказался в 1976 году в Лейпциге. У нашего института с Лейпцигским университетом был договор, и мы туда ездили с целью оказания помощи по вопросам экспериментальной работы с хирургической клиникой. И именно тогда, когда я был там в командировке, туда вместе со своей женой

приехал Юрий Михайлович в связи с тем, что его избрали почетным доктором Лейпцигского университета. Это событие там связано с большим заседанием Ученого Совета, это специальная речь, вручается огромная позолоченная цепь из лавровых листьев.

Юрий Михайлович делал доклад на английском языке. После этого Юрий Михайлович с супругой были приглашены в Гевандхауз¹.

Пригласили и меня. И вот тогда на меня произвела впечатление и внешним видом, и тем, как она держалась, супруга Юрия Михайловича – Надежда Сергеевна (рис. 12.). Я понял тогда, откуда происходит его аристократизм и его общий личностный тон. Я видел и других высокопоставленных дам, общался с ними, но в сравнении со многими она была как небо и земля – у нее в общении была та удивительная простота, которая выдает подлинный высокий аристократизм. И это не мудрено, поскольку она происходила из старинного рода Бенуа, известного своими представителями искусства.

Рис. 12. Юрий Михайлович Лопухин с супругой Надеждой Сергеевной. 1970-е годы.

РУМЯНЦЕВ Александр Григорьевич, член Президиума РАН, академик РАН, д.м.н., профессор. Заслуженный врач РФ. Научный руководитель института материнства и детства РНИМУ им. Н.И. Пирогова. В 1965-1971 гг. – студент педиатрического факультета 2-го МГМИ-2-го МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова, в 1971-1976 гг. – ординатор, аспирант, в 1976-1984 гг. – ассистент, в 1984–1986 годах – доцент, в 1986–1987 годах – профессор кафедры педиатрии 2-го МОЛГМИ. В 1987-2004 гг. – заведующий кафедрой поликлинической педиатрии 2-го МОЛГМИ-РГМУ. В 2004-2010 гг. – заведующий кафедрой гематологии/онкологии и иммунологии с курсом поликлинической и социальной педиатрии РГМУ, в 2010-2012 гг. – заведующий кафедрой онкологии и гематологии педиатрического факультета РНИМУ им. Н.И. Пирогова. Президент Национального медицинского исследовательского центра детской гематологии, онкологии и иммунологии им. Дмитрия Рогачева Минздрава России. Президент Национального общества детских гематологов и онкологов.

– Юрий Михайлович – это выдающийся ректор. Это единственный ректор, который в течение срока своей работы из Второго Московского Университета сделал Первый! Такого больше никогда не повторялось. Может, в будущем, даст Бог, еще будет такой лидер, который сможет так организовать работу вуза, чтобы привлечь в вуз выдающихся ученых, и который понимает, что вуз живет прежде всего не образованием, а наукой. Именно наука должна быть основой развития образовательного процесса, особенно в области медицины. Доступ к новой информации, новым открытиям для студентов должен исходить от преподавателя-ученого. Я буду говорить словами Юрия Михайловича: медицина – это искусство, искусство врачевания, искусство

взаимоотношения и взаимодействия врача и пациента, врача и общества. Наука дает толчок к развитию искусства лечить. Я думаю, что это очень хорошо представлено в том его материале, который посвящен этике¹, не даром Юрий Михайлович этим специально занимался и представлял страну в Европейском совете по медицинской этике. Наука медицинская – это что? А медицинская наука – это Данко² впереди искусства врачевания.

¹ Имеется в виду трехтомная монография «Биомедицинская этика», вышедшая с 1997 по 2002 гг. под редакцией В.И. Покровского и Ю.М. Лопухина

² Данко – юноша, пожертвовавший собой и спасший свой народ, выведя его из тьмы и болот, освещая путь огнем своего пылающего сердца. Персонаж третьей части рассказа М.Горького «Старуха Изергиль».

– **Какой был человек Юрий Михайлович Лопухин?**

– Юрий Михайлович – во многих вопросах выдающийся человек, но я бы хотел указать на самое главное – на истоки, на его происхождение, детство, становление личности. Откуда то, что у него было, то, кем он был? Юрий Михайлович родился в семье учителей. Его отец, в нашем сегодняшнем понимании, был директором школы и учителем русского языка. Но непростым. С такой фамилией в советское время в 20-е годы было непросто. Он был знаком с Луначарским, и Луначарский его послал работать в Семипалатинский уезд.

– **Что же послужило такому посылу?**

– Фамилия Лопухиных. Хотя это и была достаточно почетная командировка, но на каком-то этапе им было трудно вернуться. Мама у Юрия Михайловича была учительницей математики, отец – на руководящей должности в сфере образования. Это был высокий класс людей. Отец Юрия Михайловича был высокообразованный человек, до последнего этапа жизни – чиновник в области образования. В семье было четверо детей. Юрий Михайлович был третьим ребенком в семье. Было три брата и младшая сестра (рис. 13).

Старший брат был намного старше других, он ушел в военное дело и, насколько я знаю, был человеком закрытым. Впоследствии он был одним из видных работников ГПУ¹. Закончил он свою карьеру в должности руководителя аналитического отдела в КГБ. Думаю, что он оказал влияние на Юрия Михайловича. Второй брат ушел на фронт во время Великой отечественной войны и погиб. Юрий Михайлович же поступил в Киргизский медицинский институт, откуда на пятом курсе, в 1945 году, был переведен во 2-й московский медицинский институт. И вот здесь, я думаю, сыграл свою роль старший брат. И здесь, во 2-м медицинском институте, будучи на 5-м курсе, Юрий Михайлович был избран секретарем комитета комсомола института. Институт тогда только вернулся из эвакуации из Омска.

Я поступал во 2-й московский медицинский институт, потому что моя мама, Румянцева Вера Яковлевна, закончила педиатрический факультет этого института в 1944 году. Я поступил в институт в 1965 году. В этом же году ректором 2-го Московского медицинского института был назначен Юрий Михайлович. Я поступал, когда он уже был ректором.

Рис. 13. | Семья Лопухиных. 1930-е годы. Ю. Лопухин – сидит первый слева.

И на нашем посвящении в студенты Юрий Михайлович сказал речь, которой сразу влюбил в себя всех. Он сказал тогда: «Ребята, вы поступили в институт, теперь это ваш родной дом! Он для вас. Делайте все, что считаете нужным!» Это было удивительно!

Вы спросите меня, почему его, молодого ректора, а ему сорок лет было, когда его назначили, поддержала вся старая «мафия»? Лукомский, Юренев, Покровский, Преображенский, Петровский – все старики – крупнейшие советские ученые, медики.

– **Почему?**

– А потому что первое, что он сделал, когда стал ректором – он организовал институт старейшин в нашем Вузе, а это его детище. Вот я, например, сейчас вхожу в состав этого института старейшин. Он собрал всех академиков и сказал им: «Есть Ученый Совет, но ваше мнение для меня – центральное. И я, перед тем как выносить что-то на Совет, должен с вами все обсудить».

– Лопухин был первым ректором-организатором студенческого самоуправления в институте.

¹ Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР – орган государственной безопасности в РСФСР с 1922 года.

В 1965 же году, когда мы были на первом курсе, он выступил перед студентами вместе с заведующим кафедрой истории медицины Левитом Моисеем Марковичем и сказал: «Ребята, пока живы все те, кто помнит и знает наш ВУЗ с самых ранних его лет, давайте соберем историю института». И, будучи студентами первого курса, мы с будущей моей женой, бросились собирать информацию об институте. Мы тогда встретились с теми людьми, кто во время войны находился на комсомольской работе, а это были в основном женщины, потому что юношей забирали на фронт после третьего курса, а девушек – после четвертого. И вот они рассказывали, что никак не могли пережить тот факт, что приехал какой-то парень из Фрунзе, из Киргизии и стал секретарем комитета комсомола. Но помимо того, что были каналы перевода его сюда в Москву, он же отличником был. У него выправка, речь на литературном русском, он еще вдобавок высокого роста был – он произвел впечатление колоссальное! (рис. 14.) И, представьте себе, в 1945 году он становится секретарем комитета комсомола, а в 1945-1946 годах приходят ребята с фронта. И кто приходит? Исаков Юрий Федорович, Студеникин Митрофан Яковлевич, Елецкий Юрий Константинович и т.д. Это все будущие наши врачебные «тузы». А партийная организация вуза – это старые партийцы, многие из них погибли во времена репрессий, на фронте. И вот студенческая комсомольская организация взяла все в свои руки. И секретарем стал Юрий Михайлович. Эта послевоенная группа была очень удивительная. Первым человеком там был Эммануил Маркович Коган – уникальная личность. Он учился в Ленинградской военно-медицинской академии, откуда ушел на фронт, а, вернувшись, поступил во 2-й Московский медицинский институт сразу на второй курс. И у него здесь, в Москве, была мама, которая всех опекала. Эммануил Маркович собирал всех, и все кормились у его мамы дома. Причем мама Эммануила Марковича воспитала всю плеяду будущих звезд медицины, воспитала Виктора Сергеевича Савельева и его жену Галину Михайловну, академиков и Героев труда, многих других. Они все из одной кухни мамы Мони Когана на Якиманке. (рис. 15.) Я почему обо всем этом рассказываю? Они все сохранили свои связи на всю жизнь. Эммануил Маркович никогда не расставался с Юрием Михайловичем (рис. 20).

Рис. 14. | Ю.М. Лопухин. Студенческие годы.

– **Эта семейственность, вероятно, отразилась на его отношении к студентам?**

– Конечно! Приведу пример, когда мы только поступили, он сказал студентам: «Ребята, работайте. Суббота, воскресенье – это тоже ваши дни. Вуз открыт, работайте. Все кружки студенческие должны работать, все кафедры должны быть открыты. Заведующие кафедрами лично принимают студентов». У студентов был доступ к нему лично. Я на пятом курсе стал председателем студенческого профкома, а до этого был руководителем Совета отличников вуза. И вот когда я стал председателем студенческого профкома, я сказал Юрию Михайловичу: «Ну наконец-то я стал председателем профкома, поэтому теперь Вы никого не имеете право выгнать из института без моей подписи!» Он сказал: «Ну ты даешь!» Газета была студенческая, самодеятельность студенческая, театр миниатюр, несколько музыкальных ансамблей, один из них – ансамбль «Камертон» – победитель всесоюзного конкурса, он еще снимался в фильме «Белорусский вокзал». Тогда же создается гимн 2-го Меда. До сих пор жив его автор – Юра Кац, ему 85 лет. Вот только что ушел из жизни первый капитан нашей команды КВН Леша Фельдштейн, ему было 88 лет. Короче говоря, мы в вузе жили!

Когда я закончил студенческую общественную работу, Юрий Михайлович позвал меня и сказал: «Давай с тобой мы организуем работу в общежитиях». Мы строили эти общежития. И я был первым деканом по воспитательной работе в вузе. Это были 1977-1979 годы. Строительство общежитий – это его инициатива, и она завершилась организацией студенческого городка на 4000 мест.

Один эпизод могу рассказать. Вечер уже был, он зовет к себе в кабинет меня как председателя профкома и секретаря комитета комсомола: «Поедем-ка в общежитие. Посмотрим, чем там народ занимается». Приезжаем мы туда, поднимаемся на пятый этаж. Ректор, два проректора, общественники, мы. Идем по коридору. Открываем дверь в комнату. В комнате лежит на кровати девушка, и рядом с ней сидит парень. Ректор входит и спрашивает юношу: «Что вы делаете в этой комнате в позднее время?» А девушка спрашивает: «А Вы кто?» «Я – ректор, Юрий Михайлович Лопухин» «Не может быть! Юрий Михайлович – интеллигентнейший человек. Он, перед тем как войти, непременно бы постучал!» Юрий Михайлович тогда сказал нам, всей нашей комиссии: «Так! Все вышли!» Вышел. Постучал и потом вошел, и навел порядок. Он очень любил студентов. Если будет за его дверью в кабинет стоять профессор и студент, он первым примет студента. И в этом Лопухин! И я у него научился этому.

В 1965 году Лопухин организовал спортивный набор студентов. Наши спортсмены в области волейбола, футбола, бокса были победителями всесоюзных соревнований среди медицинских вузов. У нас был спортивный клуб «Медик», стадион на Пироговке. Моня Коган занимался спортом, был одним из наших спорторганизаторов, был капитаном сборной по футболу, председателем спортклуба. Юрий Михайлович сделал объявление о том, что все преподаватели в вузе для того, чтобы привлечь студентов, должны заниматься спортом. Он сам занимался гимнастикой. Весь ректорат пошел заниматься гимнастикой. И студенты пошли заниматься спортом. Любое мероприятие в вузе было с его участием.

– Вы сказали о принципе главенства науки для образования и врачебного искусства Ю.М. Лопухина. Это, вероятно, не было бы возможно без его подлинного интереса к науке и понимания ценности такого главенства?

– Юрий Михайлович с отличием закончил институт и сразу же пошел в аспирантуру, в аспирантуре он занимался топографической анатомией и вскоре стал сотрудником специально созданной

лаборатории при мавзолее Ленина, в которой работали выдающиеся специалисты под руководством академика Збарского Бориса Ильича. А Юрий Михайлович был одним из лидеров, который занимался топографией на кафедре топографической анатомии. Это была выдающаяся кафедра. И вот Юрий Михайлович работал на двух работах. После защиты кандидатской диссертации он работал на кафедре ассистентом, потом – доцентом, профессором, а параллельно он работал в лаборатории Мавзолея. Здесь, во 2-м медицинском, Юрий Михайлович пересекался с Петровским Борисом Васильевичем, который заведовал кафедрой факультетской хирургии. И вот по заданию Петровского, который тогда еще не был министром, но был уже главным хирургом 4-го Главного управления Минздрава, Юрий Михайлович отправился в четырехмесячную командировку в США. Я снимаю шляпу перед тем, как эта командировка была подготовлена! Юрий Михайлович был в самых «злачных местах» трансплантологии. Это был 1965 год. Тогда в США приняли программу по трансплантации органов и тканей. У нас в это никто не верил, да и сам Петровский к этому скептически относился. Но он послал Юрия Михайловича туда, чтобы узнать, что делается там в области трансплантации почки. Юрий Михайлович был в четырех самых главных центрах у людей, которые стояли у истоков трансплантации почки. Он познакомился с тем, как американцы начали использовать азатиоприн для предупреждения отторжения при трансплантации органов. Он познакомился с первым аппаратом искусственной почки. Он встретил в Бостоне Роберта Гуда, который первым в мире организовал отделение для иммунодефицитных детей. Его это поразило, поскольку этот человек был последователем клеточной теории иммунитета, которой у нас занимался Илья Ильич Мечников. После этого он побывал в институтах Бетесды, посмотрел, как организована медицинская наука в США, и он вернулся оттуда полностью одухотворенный идеями организации научных исследований.

Вернувшись в СССР, он доложил об этом Б.В. Петровскому, и Петровский включил его, Лопаткина и других в команду по подготовке трансплантации почек. Через год, в 1965 году, они провели первую трансплантацию почки в стране. Тогда же у нас был разработан отечественный 6-меркаптопурин, который был использован вместо азатиоприна для профилактики реакции «трансплантат против хозяина». И тогда же у нас появился первый аппарат искусственной почки. И вот в 1965 году по рекомендации Б.В. Петровского Ю.М. Лопухин был назначен ректором 2-го Московского медицинского института им. Н.И. Пирогова.

Рис. 15. | Студенческие годы. В центре – Ю.М. Лопухин. Первый справа – Э.М. Коган.

– То есть Лопухин – первопроходец в трансплантологии у нас?

– Да. Но это все известно. Первую государственную премию за трансплантацию получили Петровский, Лопухин, Лопаткин и другие. Юрий Михайлович – лауреат двух государственных премий и премии правительства страны.

В отношении организации науки, я считаю, что он сделал важную принципиальную вещь – он ввел научное планирование, основанное на принципе «древа целей». То есть, например, есть тема – это ствол, есть ветви – это детали, тонкости и т.д. «Древо целей» по атеросклерозу, которое было реализовано во 2-м меде было нарисовано на четырех ватманских листах.

Юрий Михайлович сделал несколько ключевых медицинских проектов. Трансплантация – это один его проект. Проект иммунологии – еще один проект. Он нашел Рэма Викторовича Петрова. Привел его в институт. В 1974 году Рэм Викторович организовал первую в стране кафедру иммунологии, после чего был организован Институт иммунологии. Первая в мире трансплантация тимуса была сделана под руководством Юрия Михайловича вместе с Рэмом Викторовичем Петровым. Первое описание синдрома Луи-Бар было сделано у нас под руководством Юрия Михайловича. иммунологическую науку на междисциплинарный уровень. Поскольку я наследник этого дела и создал

Центр детской гематологии, онкологии и иммунологии – я родом оттуда. Я организовал в свое время группу экспертов в области иммунологии (НАЭПИД), мы вместе с сотрудниками академика Хаитова сформировали регистр иммунодефицита в стране и организовали на уровне страны трансплантацию костного мозга при иммунодефицитах. Самый крупный трансплантационный центр в Европе теперь у нас. Это все оттуда, от Ю.М. Лопухина.

И Юрий Михайлович разработал научную систему так называемого токсикологического взаимодействия человека и лекарств. Серия препаратов, оборудования, аппаратуры для детоксикации, устранения тех или иных продуктов распада или патологических продуктов из организма человека – это тоже его (рис. 16.). Он получил за это вторую государственную премию. Это было в 1979 году. Его последователем в этом был мой близкий друг и его преемник в институте физико-химической медицины – Валерий Иванович Сергиенко.

Третья позиция – это атеросклероз как общебиологический процесс. Интересно, что Юрий Михайлович прислушивался к Давыдовскому Ипполиту Васильевичу, которого безмерно уважал. Давыдовский не был сторонником теории Аничкова-Халатова, так называемой холестериновой теории атеросклероза. Как оказалось в дальнейшем, он был прав.

Рис. 16. I Ю.М. Лопухин – лауреат двух Государственных премий. 1979 г.

За работы по атеросклерозу Лопухин получил третью государственную премию в 1989 году (рис. 18.).

Я преемник системной организации науки, которую предложил Юрий Михайлович, и я считаю, что если бы не было Юрия Михайловича, то я в некоторых вопросах науки не состоялся бы. Есть прямые учителя, а моим прямым учителем была Наталья Сергеева Кисляк, знаменитый педиатр. Но с точки зрения организации науки моим учителем, конечно, был Юрий Михайлович. Я следил за каждым его словом, потому что он умел, выступая даже на партийных собраниях, говорить не о партийных делах, а о науке. Он заводил людей идеями. Людям же нужно, чтобы им кто-то рассказал, что впереди есть что-то, к чему можно стремиться. И у него было три принципа научной работы: познание того, что знает Бог; попытка воспроизвести это в организме человека и искусственно получить лекарство, диагностическую систему, чтобы его использовать вне зависимости от уровня интеллекта врача и организации работы с пациентами. Юрий Михайлович шел всегда на конечную цель, результат. Например, вещества, которые избирательно выводят из организма продукты

распада, холестерин, жировые молекулы, получили такой препарат.

Первая медицинская статистика была сделана у нас в ВУЗе. Гаспарян Сурен Ашотович, проректор при Лопухине, был организатором первой базы данных в Минздраве и оборудования для медицинской статистики. Все это родилось во 2-м Меде.

Когда Юрий Михайлович ушел с поста ректора и стал директором Института физико-химической медицины, он сохранил свои потенции во 2-м Меде, оставаясь на должности заведующего кафедрой топографической анатомии и оперативной хирургии. (рис. 17, рис. 19)

При Лопухине был построен ЦНИЛ. В лучшие годы в ЦНИЛе работало до 500 научных сотрудников. Это был самый крупный научный центр в системе образования СССР. Лопухин создал там условия, при которых любая кафедра могла проводить научные исследования. Он создал площадки для коллективного пользования в области науки. У нас в институте при Лопухине количество академиков и членов-корреспондентов росло со страшной силой. Мы превзошли по этому показателю 1-й Мед, сделав его «в пять секунд». Спорт – впереди 2-й Мед. Наука – 2-й Мед. Студенческие кружки – 2-й Мед. Студенческий кружок по детской хирургии у Исакова был всесоюзным. На кружок Ю.Ф. Исакова приходили сотни людей. Проводились международные конференции по детской хирургии у Исакова. На кафедре у Исакова было 67 человек, из них – три академика и несколько член-корр. Все, что делалось в СССР по детской хирургии, было в руках у Ю.Ф. Исакова до последних дней его жизни. Когда я организовал в 1991 году институт детской гематологии, я пришел к Юрию Федоровичу Исакову с тем, что мне нужен был детский хирург в институт, потому что наша работа в гематологии/онкологии междисциплинарная. «Дайте мне кого-нибудь из Ваших сотрудников». Юрий Федорович мне говорит: «Я тебе никого не дам. Я сам буду руководить службой». Академик! И тогда ко мне в институт пришел он, пришла Кисляк Наталья Сергеевна – мой шеф. В институт работать пришли, руководителями отделов. Мазурин Андрей Владимирович, Токарев Юрий Николаевич, Аграненко Виктор Ардитович, Владимирская Елена Борисовна и др. Такого никто не мог себе представить, что к молодому врачу, а мне было тогда 44 года, пришли работать его учителя, чтобы его поддержать. Это была традиция 2-го Меда. Ко мне, например, когда приходит аспирант, я счастлив. Для меня это большая радость, потому что Юрий Михайлович всегда учил, что ученик ищет учителя, а не учитель – учеников.

Рис. 17. | Ю.М. Лопухин принимает экзамен на кафедре топографической анатомии и оперативной хирургии. 2000-е годы.

Эммануил Маркович Коган тоже пришел ко мне в институт. Мы с ним сделали блестящую работу по Чернобылю. Мы фактически открыли механизм внутриклеточного действия радионуклидов, описали его. Юрий Михайлович обо всем этом прекрасно знал.

Рис. 19. | Ю.М. Лопухин на кафедре топографической анатомии и оперативной хирургии. 2000-е годы

Рис. 18. | После вручения Государственной премии РСФСР в области науки техники (07.07.1989). Верхний ряд (слева направо): С.С. Маркин, В.И. Сергиенко, Э.М. Коган, А.И. Арчаков. Нижний ряд (слева направо): Е.С. Наливайко, Ю.М. Лопухин (руководитель работы), О.А. Азизова.

Я не порывал с Юрием Михайловичем, когда он стал директором Института физико-химической медицины, потому что я участвовал в делах его Института. Мне было интересно, как движется его мысль, как он решает научно-организационные вопросы. Он всегда собирал заинтересованных лиц и организовывал мозговой штурм. Юрий Михайлович никогда не отличался научным жлобством. Есть такое явление, к сожалению, среди ученых. А он был организатором, творцом коллективных процессов, междисциплинарного взаимодействия с физиками, химиками, математиками, специалистами других профилей. Когда ректор «горит» – это особая вещь. Глядя на него, у меня к 35 годам была уже готова докторская диссертация. Я был тогда еще ассистентом на кафедре, а доценты – все кандидаты наук. Я к шефу. Шеф говорит: «Исключено! Руководство даже не поддержит. Несерьезно». В конце концов, поскольку я к шефу приставал постоянно, мне было жалко: у меня был изумительный материал для работы – я занимался иммунотерапией рака, это тоже следствие влияния Юрия Михайловича, мне было разрешено делать докторскую. Я был единственным, кому было разрешено во 2-м Меде, потому что это все держал в руках Николай Николаевич Блохин. Вся онкология должна была быть только у Блохина. Но поскольку здесь был Рэм Викторович Петров и тут была совсем другая

«кухня», я получил поддержку. Мой шеф мне сказала: «Ты же хочешь творческий отпуск?» «Конечно. Я не могу написать диссертацию без творческого отпуска». Я работал тогда шесть дней в неделю и был занят по полной программе. «Ну, иди в ректорат, проси, чтобы тебе ректор дал отпуск». И в очередной совместной поездке я ему сказал: «Юрий Михайлович, я хочу попросить творческий отпуск». Он мне говорит: «Да ты что? Ты с ума сошел? Ты молодой». А я был деканом по воспитательной работе тогда. Я сказал, что мне жалко материал – материал был уникальный, удивительный, и я хотел бы

подвести черту. А полагалось тогда в СССР давать творческие отпуска для ассистентов, доцентов для подготовки диссертации. Шесть месяцев. Можно было его разделить по два месяца. В конце концов, он мне говорит: «Давай так: будет время, и ты мне расскажи о своей работе. Если я посчитаю нужным тебя поддержать, я тебя поддержу». Он мне уделил время. И я ему рассказал, что у меня есть. Он сказал: «Возвращаемся домой, приходи с письмом от шефа с просьбой об отпуске, я тебя отпущу». И он меня отпустил. Я апробировал диссертацию и защитил в 35 лет.

Рис. 20. | Юрий Михайлович Лопухин и Эммануил Маркович Коган.

Юрий Михайлович следил за моей работой. Он как заметил меня еще студентом, так и контролировал меня на всем пути. Он отбирал штучно людей. Академик Сергей Борисович Середенин – директор Института фармакологии, тоже самое. Валерий Иванович Сергиенко, недавно ушедший из жизни – тоже. Его любимец – академик Вадим Маркович Говорун. Я могу назвать многих и многих людей, которых вел Юрий Михайлович. Это выдающиеся люди. Что ни человек был рядом с Юрием Михайловичем – все они расцветали. Я это называю научной щедростью и любовью (то, что завещал наш Первосвященник). Любовь вела Юрия Михайловича во всех отношениях.

Он старался создать для студентов такую атмосферу, при которой студенты были счастливы от того, что учатся во 2-м Московском медицинском

институте! От того, что с ними возятся профессора, что они имеют доступ к лабораториям, к пациентам. Вот, например, Николай Николаевич Володин, академик, любит рассказывать, как, будучи на третьем, он с еще двумя друзьями пришел в Филатовскую больницу на кружок. И на кружке выступал Вячеслав Александрович Таболин. Они были заморожены. И когда закончилось заседание кружка, Таболин сказал: «Ребята, кто хочет... У нас тут лаборатория работает и по ночам. Пошли в лабораторию. Я вам покажу, кто что делает в лаборатории». Тогда лаборатории были при кафедрах. Приводит в лабораторию, а там объявление: «Вельтищев Юрий Евгеньевич ведет для аспирантов и ординаторов занятия по английскому языку (!)» Вечером! Юрий Евгеньевич ведет занятия для того, чтобы аспиранты сдали кандидатский минимум!

И полно народу! В лаборатории полно народу. Кто-то что-то делает, кто-то что-то капает, и с какими-то пластинками работают. Студенческое научное общество – это была серьезная работа, своя «кухня», целая институция! Это была позиция Лопухина. В этом студенческом научном обществе формировались люди, которые потом приходили на кафедры. Я тоже прошел такую подготовку. Я, учась у какого-либо хирурга, спрашивал, когда тот дежурил, например, ночью: «Можно я приду к Вам на дежурство?» «Да, конечно. Можно». И мы с ним дежурили ночь. Мы имели возможность все это делать. Тогда преподаватели несли основную нагрузку в клиниках. Сейчас их вытолкнули! Сейчас нужна целая история, чтобы восстановить все это!

Я могу сказать, что 2-й Мед образца Лопухина дал гигантские плоды. Я как студенческий лидер пережил десять выпусков. Десять выпусков – это примерно десять тысяч врачей образца тех лет, которые Сашу Румянцева знали, как проклятого! Я был в гуще всех студенческих дел. Многие из выпускников тех лет стали директорами, главными врачами, крупными специалистами в разных областях. «Мафия» 2-го Меда – это все лопухинцы! Потому что не было такого, чтобы я пришел на педиатрический участок, а там не было бы выпускника 2-го Меда. Наши выпускники заполонили все! Любой педиатр в Москве имел, так или иначе, отношение ко 2-му Меду, потому что постдипломная подготовка была только у нас, и все «короли»-педиатры были у нас.

И если мне звонил кто-то и просил о помощи, и я потом звонил кому-то с просьбой о помощи – не дай Бог заговорить о деньгах! Это воспитание Лопухина! До сих пор вся эта «мафия» старше 70-ти лет – мы так и живем! Это старая гвардия. Чучалин Александр Григорьевич – наш. Министры, которые были – наши. Рашаль Леонид Михайлович – наш. Я – самый молодой в этой «мафиозной» структуре! Скворцова Вероника Игоревна – наша выпускница, Стилиди Иван Сократович – наш. Володин Николай Николаевич, Голухов Георгий Натанович, Голухова Елена Зеликовна, Хрипун Алексей Иванович, Курцер Марк Аркадьевич – все наши. Юрий Михайлович следил за каждым из нас и с радостью всегда относился к любому успеху. Я счастлив! У меня была исключительно интересная жизнь – студенческая и постстуденческая.

Последний раз Юрий Михайлович Лопухин был у нас, когда уже ректором стал Сергей Анатольевич Лукьянов. Юрию Михайловичу было уже 90 лет. Он сказал тогда: «Когда-то я поставил себе три задачи: построить новый институт, создать благоприятные условия для развития науки и преподавать студентам медико-биологические дисциплины. Считаю, что часть своей миссии я уже выполнил. Я всегда поддерживал и буду поддерживать наш вуз. Я рад, что он процветает, и убежден, что Сергей Анатольевич поднимет на нужный уровень наш Университет!»

ЧУЧАЛИН Александр Григорьевич, академик РАН, д.м.н, профессор. Заведующий кафедрой госпитальной терапии Института материнства и детства РНИМУ им. Н.И. Пирогова. Заслуженный деятель науки РФ. В 1957 – 1963 гг. – студент, в 1963 – 1965 гг. – клинический ординатор, в 1965 – 1967 гг. – аспирант 2-го МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова. С 1975 г. – заведующий кафедрой госпитальной терапии Института материнства и детства (ранее – педиатрического факультета) РНИМУ им. Н.И. Пирогова. С 1990 г. по 2017 г. – директор Научно-исследовательского института пульмонологии ФМБА России. С 2017 г. – Председатель Российского национального комитета по биоэтике и Комиссии РАН по научной этике.

– Юрий Михайлович сыграл в моей судьбе большую роль. Я уже заканчивал институт, и он, молодой тогда совсем человек, ему не было тогда еще и сорока лет, красивый, высокий, возглавил тогда 2-й Московский медицинский. Покидая студенческую скамью, я был оставлен в ординатуре, и в этом тоже было участие Юрия Михайловича – мы мало были знакомы, у нас не было каких-то личных

связей, но он как-то получал информацию о способных студентах, я смею надеяться, что я относился к такой когорте, и я был оставлен для прохождения учебы у нас во 2-м Московском медицинском институте. Я работал достаточно напряженно, очень быстро сделал кандидатскую диссертацию. И вот на всех этапах моего роста я ощущал, как он явно и неявно поддерживал меня.

Я рано защитил докторскую диссертацию – мне шел 33-й год. И вот, когда я защитил докторскую диссертацию, меня пригласили в 4-е Главное управление Минздрава СССР. Начальником 4-го Главного управления стал тогда молодой Евгений Иванович Чазов. Евгений Иванович подбирал тех, кто мог бы войти в структуру и работать в 4-м управлении, и Юрий Михайлович этот момент уловил. Он вызвал меня и сказал: «Ты знаешь, ты никуда не ходи. Оставайся в стенах института. Ты молод. Заведуй кафедрой госпитальной терапии». В это время, к сожалению, из жизни ушел мой учитель – академик Юренин Павел Николаевич. Была вакансия.

Я действительно с большим воодушевлением стал заниматься и педагогикой, и лечебной работой, и научными делами. Кафедра начала набирать обороты, стала заметной в жизни нашего института и нашей страны в целом. Мне шел 38-й год. Юрий Михайлович пригласил меня и сказал: «Ты знаешь, вот мы здесь посоветовались в институте и решили тебя выдвинуть в академики». Для меня это был, знаете, шок! Я и не мечтал, и мыслей таких не было. Но сама форма! Не я искал, как мне стать академиком, а он меня пригласил и сказал: «Мы решили...» Приблизительно так же поступил Чазов по отношению ко мне. Вот два человека, которые определили мою судьбу по линии Академии наук. Юрий Михайлович очень горячо поддержал меня. Он сыграл большую роль, когда шли выборы в академию и я свободно, без сучка и задоринки, стал членом Академии наук. Я многому у него научился. Например, не кланяться академические звания. Он позвал и говорит: «Я считаю, что ты должен стартовать». Я никаких признаков не подавал этому. Когда человек так относится – это Божественный дар. Я испытывал влияние Юрия Михайловича на меня на всех моих этапах: в годы студенчества, ординатуры, аспирантуры, докторантуры. Влияние на принятие решения: куда? как моя жизнь будет складываться? – во всем этом Юрий Михайлович играл очень большую роль.

– Изменилась атмосфера в институте с приходом Ю.М. Лопухина на пост ректора?

– Когда Юрий Михайлович возглавил институт, то буквально преобразилось здесь все. Преобразилась студенческая молодежь, преподаватели по-другому стали себя вести. Преобразились Ученые советы, преобразились дискуссии. Люди стали творчески раскрепощенными, появились новые идеи. С его

приходом в институт пришло новое поколение профессоров, молодых профессоров. Особенно в педиатрии. Например, пришел такой очень известный педиатр Таболин Вячеслав Александрович, потом он станет академиком, станет большим лидером. Юрий Михайлович большое внимание уделял новым направлениям в медицине, таким как, например, иммунология – он пригласил Рэма Викторовича Петрова. И действительно, с приходом Таболина, Петрова, молодых тогда Савельева, Лопаткина были внесены большие изменения в наш институт. Они стали большими лидерами. Я видел, с каким уважением Петровский Борис Васильевич, тогда патриарх медицины и министр здравоохранения, относился к Виктору Сергеевичу Савельеву, к Николаю Алексеевичу Лопаткину.

Область, которая особенно заинтересовала Юрия Михайловича и на нас, молодых, и оказала большое влияние – трансплантация. Они с командой Николая Алексеевича Лопаткина готовились к пересадке почки. И такая трансплантация действительно была проведена, она прошла успешно в клинике Николая Алексеевича Лопаткина. Впервые у нас в стране был проведен гемодиализ. Это все было на территории 1-й Градской больницы. Сейчас, когда вы читаете официальные документы, они несколько размыты. Считается, что Борис Васильевич Петровский первый сделал трансплантацию почки. Нет. На самом деле это была команда Лопухина-Лопаткина. Юрий Михайлович непосредственно участвовал в трансплантации. И собственно эти научные направления оказывали на нас, молодых ученых, очень большое влияние.

Юрий Михайлович увлекся таким направлением, как гемосорбция (рис. 21). Он тогда с группой ученых из Киева, у нас хорошие были контакты с академией наук Украинской ССР, разработал уникальнейшие сорбенты. Тогда начиналось так называемое направление «хирургия крови». Эти экстракорпоральные методы лечения очень широко вошли в клиническую практику.

Я использовал то, что он сделал по гемосорбции. И мы, та группа, которую я сформировал, задались целью провести иммуносорбцию. И действительно, первыми в мире мы сделали иммуносорбент по удалению иммуноглобулина класса Е. Тогда не было таких строгостей, как сегодня – сегодня нужно много-много согласовывать. В то время, когда мы работали с Юрием Михайловичем, главное, чтобы была идея, реальная идея, и уже в прямых контактах и обсуждениях принималось решение – делать или

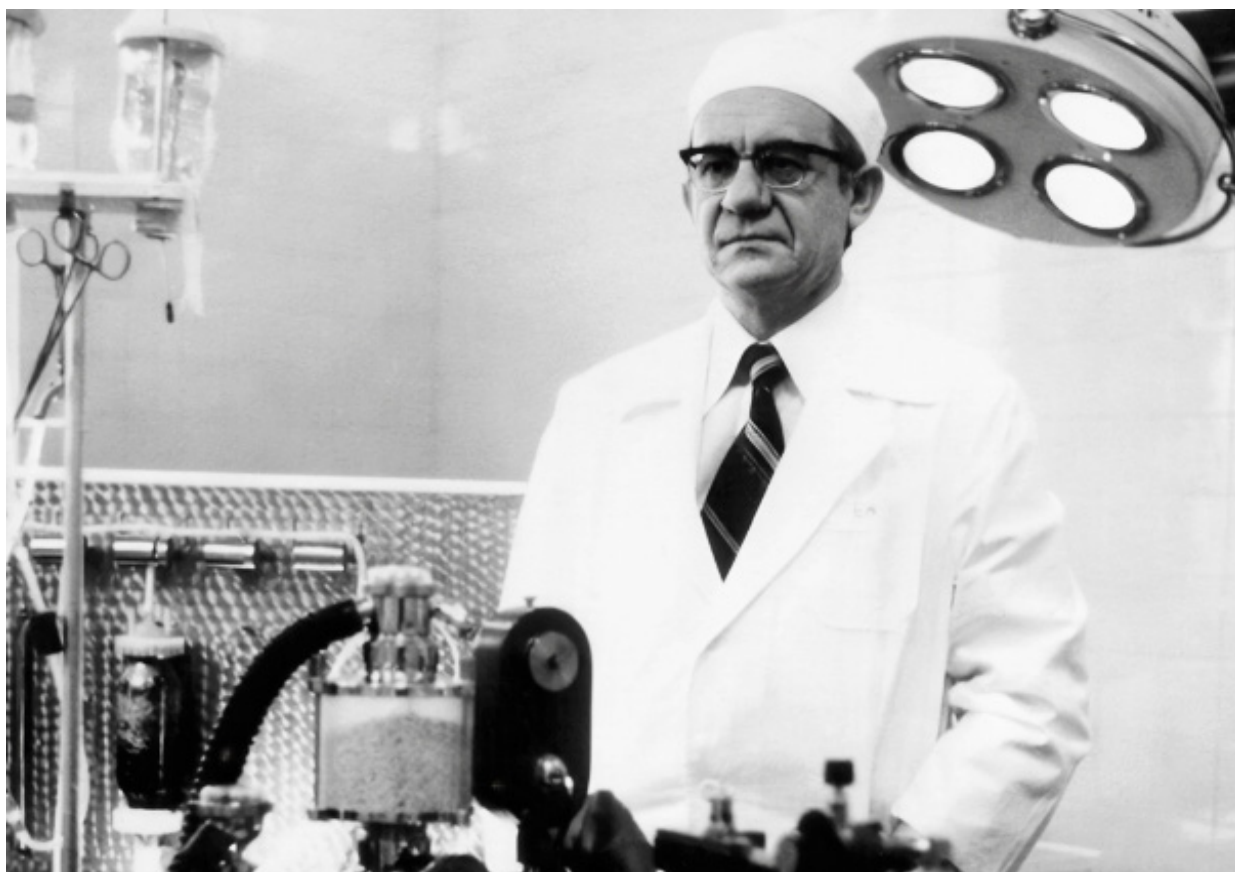

Рис. 21. | Ю.М.Лопухин в 55-й московской больнице, где впервые был применен метод гемосорбции.

не делать. И вот мы первыми в мире сделали иммуносорбцию больным с очень тяжелой формой бронхиальной астмы. Это была середина 1970-х годов. Мы набрали группу больных более 50-ти человек, которым провели успешную иммуносорбцию. Мы наблюдали интересные феномены: не только прямой эффект влияния на течение болезни, но и так называемый синдром рикошета, ребаунт-феномен. И я с Юрием Михайловичем это много обсуждал. С Ремом Викторовичем Петровым и группой молодых иммунологов мы обсуждали эту тему. Она действительно была очень интересная. Почему я об этом говорю? Несколько лет спустя, уже к началу 80-х годов, терапия моноклональными антителами стала доминирующей во многих областях медицины. В данном случае – в области аллергологии бронхиальной астмы. И моноклональные антитела потом перешли особенно в гематологию, в онкологию, в нейродегенеративные заболевания.

– *Только у нас или в мире в целом?*

– В мире в целом. И вот собственно пионерская работа была сделана в стенах нашего института.

Конечно, были ученые не только нашего института. Большую роль сыграл замечательный биолог Васильев Раиф Гаянович из Института биорганической химии им. М.М. Шемякина и Ю.А. Овчинникова. Но я должен сказать, что мы первыми в мире получили моноклональные антитела против иммуноглобулина класса Е, провели иммобилизацию этих моноклональных антител на носителях и провели успешную иммуносорбцию. Это очень нас вдохновило. Была сделана серия работ, было сделано несколько диссертаций и кандидатских и даже докторских. Это было действительно очень важным направлением.

Юрий Михайлович очень хорошо рисовал. Он напомнил мне то, как это было у Пирогова Николая Ивановича, когда он делал свой атлас, и у Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого, который тоже владел рисунком. Подобную работу сделал и Юрий Михайлович. Вот три хирурга, о которых я знаю, имели Божественный дар: то, что видели у пациента, они могли перенести в виде рисунка. Атласы Юрия Михайловича были одними из самых полных. Их можно сопоставлять с тем, что оставил Войно-Ясенецкий в «Очерках гнойной хирургии», и с анатомическим атласом Николая Ивановича Пирогова.

– В атласах Юрия Михайловича – его рисунки?

– Да, его. Я являюсь свидетелем, как он все это делал. В дачном поселке, это по линии 4-го управления, наши дома оказались рядом. Он иногда неважно себя чувствовал, просил, чтобы я зашел, посмотрел его. И я видел, он мне показывал сам эти рисунки, которые он набрасывал. Он это делал во время своего летнего отпуска.

С 1984 года Юрий Михайлович перестал быть ректором. Он занимался больше консультативной работой в институте. И с ним случилась беда. Юрий Михайлович пришел к Акчурину Ренату Сулеймановичу¹ и пожаловался на стенокардию. Ренат Сулейманович тогда готовился к отпуску, и за неделю до этого Юрий Михайлович обратился к нему с клиникой острого коронарного синдрома. Акчурин провел обследование и нашел, что у Юрия Михайловича действительно очень выраженное атеросклеротическое поражение коронарных сосудов. Тогда еще были малоизвестными методы чрезкожного расширения. А Акчурин в это время уже вернулся из США от Майкла Дебейки, уже хорошо владел техникой аортокоронарного шунтирования, и он предложил Юрию Михайловичу сделать эту операцию. Юрий Михайлович, сам оперативный хирург, он хорошо понимал и знал все эти тонкости, он хорошо знал работы Владимира Петровича Демикова, которые были проведены как экспериментальные работы по аортокоронарному шунтированию, и Юрий Михайлович согласился на эту операцию. Операция была проведена хорошо, но на второй день после операции развилась клиника шока, как потом уже оценили, это был септический шок, и началась легочно-сердечная реанимация. И уже на этом этапе я начал приносить пользу как врач ему. Собственно, я вошел в команду врачей, которые выхаживали его, и впервые применил, ну, не впервые, конечно...: одним из направлений, которым я стал заниматься, это были медицинские газы и, в частности, оксид азота, который влияет на эндотелиальную дисфункцию. И вот в тот критический момент жизни Юрия Михайловича я применил оксид азота, и, собственно говоря, он сыграл большую роль в том, что Юрий Михайлович преодолел кризис и вышел из этого состояния. Я почему об этом рассказываю? Я отблагодарил его, отблагодарил именно тем, что в критический момент его жизни я оказался

рядом с ним и применил те методы, которые реально помогли преодолеть кризис. Я сделал то, что другие методы и средства: антибиотики, вазопрессоры, искусственная вентиляция легких и т.д., не позволяли сделать. Мы привезли баллон с оксидом азота в ЦКБ, где была сделана операция Юрию Михайловичу и где он находился в реанимационном отделении. Впервые правительственная больница получила от нас этот оксид азота! У постели Юрия Михайловича находился этот баллон. Мы ингалировали Юрия Михайловича, и он шаг за шагом выходил из того критического состояния, в котором он оказался в послеоперационный период. А Ренат всего этого не знал, его не было в Москве. И уже потом, когда он вернулся, мы ему рассказали. Потом с Ренатом Сулеймановичем мы много говорили, и после этого начался период, когда в кардиохирургии стали широко применять оксид азота. Но первым пациентом в мире (!) оказался Юрий Михайлович.

Я хочу сказать, что я многому у него научился, я считаю его своим учителем. Он меня научил, как относиться к студентам. Он меня научил, как читать лекции. Он меня научил, как вести науку. Например, Юрий Михайлович как организатор науки знаменит еще тем, что он создал так называемое «дерево целей». Это его большое достижение. Оно оказывало на нас, в данном случае – на меня, уже как на члена-корреспондента Академии наук, влияние в том смысле, что те научные работы, которые я планирую, связаны в плане научной идеологии построения исследований. Он научил меня, как вести себя в научном сообществе.

У Юрия Михайловича была непростая жизнь. Социум, который сформировался вокруг него... Там было много интриганов, были люди, которые и завидовали ему, и искали негативные стороны...

– Внешние или внутренние люди?

– И внешние, и внутренние. Как он это все выдерживал? Тогда очень популярны были анонимные письма. И как-то он рассказывал мне, что пришло анонимное письмо о том, что он взяточник и деньги хранит под паркетом. И он мне говорил: «Знаешь, пришли люди и вскрыли весь паркет у меня в квартире. Искали деньги». Пережить такие вещи, которые он пережил... Он стойко все это перенес. Он понимал и время, и людей. Кампус в Тропарево строился не очень просто. Были всякие взлеты, спады. Как появился проект, который реализован в Тропарево? Юрий Михайлович много консультировался у западных специалистов, много объездил, много видел университетов и выбрал самое-самое рациональное для этого. В советский период же были пятилетки, каждая пятилетка ставила какие-то задачи.

¹ Акчурин Ренат Сулейманович – советский и российский кардиохирург. Руководитель отдела сердечно-сосудистой хирургии Института клинической кардиологии имени А.Л. Мясникова Российского кардиологического научно-производственного центра РАМН

И было правительственное решение о строительстве нескольких комплексов: онкоцентром занимался Николай Николаевич Блохин, кардиоцентром – Евгений Иванович Чазов, и нашим университетом – Юрий Михайлович. Это было правительственное решение, утвержденное постановлением. Было целевое финансирование строительства. Онкоцентр побыстрее построился. Потом – центр Евгения Ивановича, ну у него было сильное сопровождение всегда со стороны руководства страны. Ему это было в какой-то степени попроще эти вопросы решать. А Юрию Михайловичу пришлось пахать, пахать и пахать для того, чтобы появился наш университет. Он сделал грандиозное дело!

С Юрием Михайловичем было связано открытие медико-биологического факультета. С ним было связано развитие лечебного факультета. Как-то педиатрии он меньше уделял внимания. Он надеялся, что Вельтищев, Таболин и Кисляк – это те, кто будет развивать педиатрию. Очень ратовал за внедрение математики, математического образования. Очень тонко понимал морфологию, всякие структуры и т.д. Он был очень высокоорганизованный и высокообразованный человек.

– А откуда это чувство важных прорывных направлений в медицине? О трансплантологии тогда было мало что известно, она только-только начиналась. Иммунология тоже.

– Если говорить о трансплантологии, то гением медицины ушедшего столетия считается Демихов Владимир Петрович. Юрий Михайлович, как экспериментатор и оперативный хирург, был близок к этой теме и понимал те работы, которые ведет Демихов. И, более того, Демихов был приглашен к нам в институт для чтения лекций. Демихов был в опале в то время: Петровский Борис Васильевич и некоторые другие руководители здравоохранения не очень жаловали Демихова. А Юрий Михайлович этим приглашением взял на себя ответственность. То есть он понимал, что в нашей стране есть человек, который открыл новую страницу в медицине. Когда я впервые попал на конгрессы в США по своей специальности, по пульмонологии, там уже поднималась тема трансплантации легких, и все, кто выступал по этой теме на разных уровнях, они все говорили: «Гений медицины, который открыл нам пути трансплантологии – это Демихов Владимир Петрович!» Мне, когда я это впервые услышал, даже стыдно стало, что я, приехав из страны, где с Демиховым связано

это, я его не знаю. И на меня тогда смелость Юрия Михайловича произвела большое впечатление. Он понимал значение этого человека. И работы Юрия Михайловича, конечно, по трансплантации почки. Я в своей жизни, моя гибридная команда, сделали 90 трансплантаций легких. Конечно, та иммунология, которая была тогда, иммунология трансплантологии, и сегодня – дистанция между ними колоссальная, но Юрий Михайлович, действительно, этот прорыв сделал. Собственно говоря, страна по-другому стала относиться к Демихову. И Борис Васильевич Петровский изменил свое отношение, и у Вишневого были свои взгляды на это дело – это были руководители основных центров, которые занимались трансплантологией. Заслуга Юрия Михайловича состояла в том, что эту жесткость общественную по отношению к Демихову ему удалось снять. И его поездки в США еще раз показали, что Демихов – это гений медицины. Поэтому это тоже заслуга Юрия Михайловича. Он видел в людях творчество, он видел, как люди могут открывать новые горизонты познания. Юрий Михайлович был человеком, который в медицине, в медицинском образовании, в здравоохранении оказывал очень большое влияние на принятие решений в коллегии министерства здравоохранения, там всегда ждали его выступления, он готовился к этому. Он был независим в своих суждениях.

– А какие методы воздействия на людей были у него в арсенале?

– Я не знаю ни одного случая в жизни Юрия Михайловича, чтобы он оказал бы давление или чтобы он испортил бы судьбу какого-нибудь врача. Он никогда не действовал авторитарными методами. Перед ним, например, стоял вопрос реформ. Университет – это всегда кризис. Университетское образование такое – если нет кризиса, то университет не живет и не работает. И Юрий Михайлович, уже будучи авторитетным ректором, а я тогда только-только стал работать под его началом как заведующий кафедрой, проводит интеллектуальный штурм. Он собирает всех заведующих в Конаково и ставит вопрос, нужно ли трехступенчатое образование медицинских специалистов в области клинических дисциплин: пропедевтика, факультетская, госпитальная? В хирургии, терапии, педиатрии. И у нас тогда очень хороший разговор получился. Он настолько был терпим и внимательно выслушивал мнение каждого. Исходно он не хотел эту трехступенчатость оставлять. Он хотел ввести модель подготовки по западному образцу.

Ну, скажем, общая патология – это не патофизиология и патанатомия, а именно общая патология. Или, например, как на Западе было в то время – внутренние болезни. Он хотел западный стиль перенести сюда. Но когда он услышал нашу аргументацию... Наша аргументация, в первую очередь, исходила из работ, которые оставил Николай Иванович Пирогов и Сергей Петрович Боткин. Пирогов дал согласие возглавить кафедру хирургии в Военно-медицинской академии при условии, если эта кафедра будет называться «Кафедра госпитальной хирургии с курсом военно-полевой хирургии». И также сказал, что хочет, чтобы таким же путем пошла терапия. И молодой Боткин, терапевт, а между хирургами и терапевтами зачастую бывают непростые взаимоотношения, а здесь были самые хорошие, искренние отношения, так вот, Сергей Петрович Боткин, следуя примеру своего учителя, создает тоже в Военно-медицинской академии кафедру госпитальной терапии с курсом военно-полевой терапии. Почему я об этом рассказываю? Мы сейчас находимся в Институте пульмонологии, больнице, которой я посвятил 60 лет. Она стала филиалом госпиталя им Н.Н. Бурденко. Там сейчас лежат наши замечательные воины. К сожалению, они получили ранения, многие из них получили тяжелые ранения. Так вот! Это другая медицина, другой подход. Нам нужно обязательно преподавать военно-полевую хирургию и военно-полевую терапию, не терять этого. В наше тяжелейшее время студенческую молодежь и раненных пациентов разделили. Юрий Михайлович умел услышать своих преподавателей, своих профессоров. И Юрий Михайлович остался тогда на том, что концепция Пирогова-Боткина для нас наиболее приемлемая.

– То есть это наша отечественная традиция медицинского образования?

– Да, это наша традиция. Знаете, у философа Ивана Ильина есть такое эссе «О призвании врача». Он был уже в эмиграции, в Женеве. И оттуда он пишет московскому врачу письмо. И там говорит, что, сопоставляя западную и русскую медицину, он обнаружил сильное различие. И что, будучи в Женеве, чуть ли не через день вспоминает московских врачей. «Я хочу понять, - пишет Ильин, - в чем секрет российского врача?» Проходит какое-то время, и московский врач ему отвечает: «Опубликуйте мой ответ только в том случае, когда я уйду из жизни, иначе у меня могут быть проблемы в моей стране». И вот этот

врач отвечает: «Мы, российские врачи, воспитаны в духе служения больному человеку». Служения! Не услуги! А служения! И Юрий Михайлович понял, что вот эта трехступенчатая система, принятая у нас, когда студенты изучили симптомы, потом изучили болезни, а потом стали формировать клиническое мышление в госпитальной терапии, эта система наиболее адекватна для нашего отечественного подхода к больному. Нам, конечно, Юрия Михайловича сегодня не хватает.

– А ведь это у Ю.М. Лопухина была идея вовлечения студентов в кафедральную работу, именно научно-исследовательскую?

Да, конечно. Студенческие научные кружки у нас процветали. При Лопухине было тотальное увлечение студентов наукой. Особенно он поддержал в этом экспериментальные и теоретические кафедры, а также кафедру философии. У нас проводились дискуссии, например, по вопросам причинности в медицине. В свое время Давыдовский Ипполит Васильевич сделал доклад про атеросклероз и старость. И Юрий Михайлович не то, что активно поддерживал, а оказывал влияние на развитие науки в институте. Он очень остро воспринимал все новое, что появлялось в медицинской науке.

Юрий Михайлович увидел, что для того, чтобы поднять качество преподавания, качество подготовки будущих врачей нужно взять за основу науку. Он активно поддерживал и культивировал науку. Тогда стали преобразовывать ЦНИЛ. Самуил Маркович Коган очень активно поддерживал Юрия Михайловича по ЦНИЛу. Активно его поддержали ученые по медико-биологическому факультету. Очень активно его поддержали иммунологи. Генетики уже несколько позже, но тоже. Тогда еще генетика не была так популярна, какой она стала сейчас. Юрий Михайлович понимал уже тогда, как важна информатика.

Я с Юрием Михайловичем участвовал в некоторых всесоюзных конференциях. Я помню, была конференция по медицинскому образованию в Саратове. Это был 1978 или 1979 год. Там собрались ректора со всей страны: и из Грузии, и из Азербайджана, и из Узбекистана и т.д. и т.д. И я видел, как ректора, которые собрались на эту конференцию, уважали Лопухина. Он был лидером ректорского корпуса. Тогда появилась идея ректорских совещаний, чтобы определять направления развития медицинского образования. И авторитет Юрия Михайловича нас вдохновлял. Мы все гордились нашим

ректором. Почему это возникало у нас? Главным образом, благодаря его отношению к нам. Мы видели его теплоту, доброту, которую он излучал. И это была одна из основных черт Юрия Михайловича – он любил свой профессорско-преподаватель-

★ ★ ★

Подводя итоги, отметим, что с кем бы мы ни беседовали при подготовке интервью – нам никого не пришлось убеждать в важности и необходимости такого материала. Готовность участников говорить о человеке, с которым они прошли значительный путь своей жизни в университете, и их единодушие в отношении к нему говорят о цельности личности того, о ком они говорят.

Масштаб личности Юрия Михайловича Лопухина можно измерить достижениями, составляющими историю 2-го Московского Ордена Ленина государственного медицинского института, отечественного медицинского образования и медицинской науки, связанными непосредственно с вкладом в эту историю Ю.М. Лопухина как руководителя вуза, но можно и наследием его творческой щедрости. Личность человека раскрывается в отношениях с другими людьми. Личность – это всегда «для других». Очевидно, что жизнь Юрия Михайловича Лопухина отмечена этим главным личностным смыслом – для других! На примере наших собеседников

сский состав, и с каким уважением он относился к студентам. Лопухин – это большое событие для нашего университета. Это было золотое время. В своей судьбе я считаю это действительно счастливым периодом моей жизни.

мы, вероятно, вправе говорить о поколении, воспитанном творческой щедростью личности Юрия Михайловича Лопухина. Людей, по примеру своего учителя заряженных цельностью и щедростью его личности и в своей жизни приумноживших плоды этой щедрости.

Этот материал – благодарность. Этот материал – свидетельство. Люди, с которыми мы вели беседу – не просто очевидцы жизни и работы Ю.М. Лопухина. Они свидетели важности безусловных ориентиров в жизни, профессиональной и не только, они восприимчивы личностной творческой щедрости. Но это и материал – пожелание. Пожелание сегодняшнему поколению наставников обилия этой щедрости, не взирая на условия времени. Пожелание поколению студентов, молодых преподавателей, врачей горячей пылкости в отношении творческой щедрости их наставников, той щедрости, отмеченной радостью, больше которой, по словам Юрия Михайловича Лопухина, не существует.

Беседовал Моргун А.Н.

"I THINK THERE IS NO GREATER JOY THAN CREATIVITY." INTERVIEW ABOUT ACADEMICIAN Y.M. LOPUKHIN ON HIS 100TH ANNIVERSARY

Polunina N.V.¹, Poryadin G.V.¹, Mishnev O.D.¹, Siluyanov I.V.¹, Ilyenko L.I.¹, Ettinger A.P.¹, Rumyantsev A.G.^{1,2}, Chuchalin A.G.¹, Morgun A.N.¹

Abstract

The material contains interviews with representatives of Russian medicine and medical education, including memories of Academician Yuri Mikhailovich Lopukhin, Rector of the 2nd Moscow State Medical University in 1965-1984. The interviews are dedicated to the 100th anniversary of the birth of Yu. M. Lopukhin. The interview material reveals the features of his personality as a teacher, doctor, organizer of science and education.

Keywords

academician Yuri Mikhailovich Lopukhin, history of medicine, 2nd Moscow State Medical Institute, 2nd Moscow State Medical Institute named after N.I. Pirogov, transplantology, immunology, hemosorption.

For correspondence: Morgun Alexey Nikolaevich, e-mail: an_morgun@mail.ru

¹ Federal State Autonomous Institution of Higher Education «Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov» of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Federal State Budgetary Institution "Dmitry Rogachev National Medical Research Center for Pediatric Hematology, Oncology and Immunology" of the Ministry of Health of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation